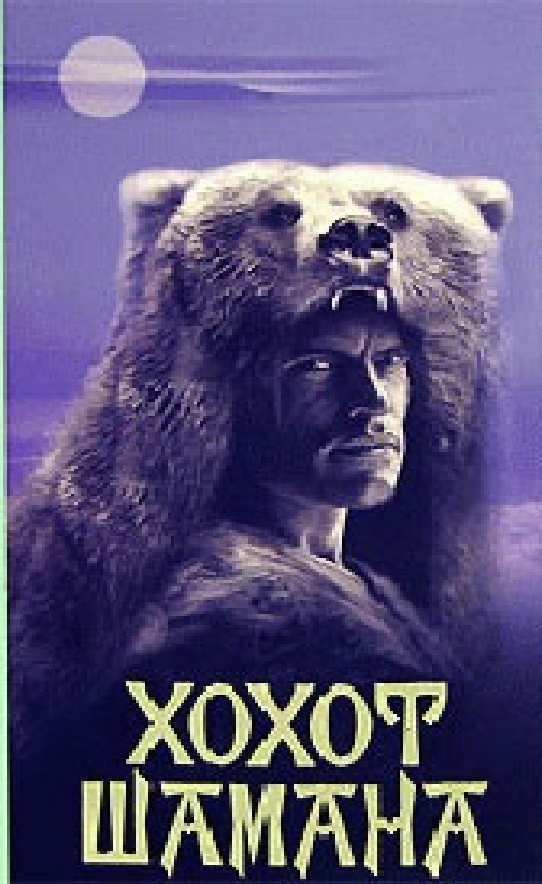

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ВЛАДИМИР СЕРКИН

ХОХОТ ШАМАНА

Annotation

«Хохот шамана» — это книга психолога, который решил отправиться «в люди». Ему тесны границы не только академической психологии, но и целого ряда новых и новейших нетрадиционных психологических практик. Предлагаемое автором видение мира — это поиск необщих путей развития. Если читатель хочет испытать себя в этом поиске, а быть может, и ощутить новые, ранее непривычные предельные переживания, пусть он услышит и почувствует «Хохот шамана». В книге

приведены обработанные фрагменты дневниковых записей и бесед с человеком, живущим необычайной жизнью. Общаясь с людьми, и с другими существами, Шаман овладел многочисленными необычными практиками, позволяющими ему влиять на окружающий мир и быть членом не только человеческих сообществ.

- [Владимир СЕРКИН](#)
 - [Предисловие](#)
 -
 - [О Шамане и о книге «Хохот Шамана»](#)
 - [Благодарность Волка](#)
 - [1997](#)

-
- [1997](#)
- [1977-1978](#)
- [1998, 1999, 2002](#)
- [1986](#)
- [1998–2000](#)
- [1999, 2000](#)
- [1999](#)
- [1999](#)
- [1999](#)
- [2000](#)
- [Свобода.](#)
- [Благодарность Волка](#)
- [1999, 2001](#)
- [1999](#)
 -
 - [2000](#)
- [1999–2000](#)

- Послесловие

- Приложения

- Магия как обыденная практика других

- Ритуальные танцы как практика деловых игр прошлого

- Неизбежность опасности прогресса

- Лечение от невротической импотенции

- Ответы на вопросы читателей о Шамане

- notes

- 1

- 2

- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
-

Владимир СЕРКИН

ХОХОТ ШАМАНА

Предисловие

Читатель! Перед тобой книга с завлекательным названием «Хохот шамана». И сразу возникают вопросы. Кем она написана? Для кого она написана? С каким жанром мы имеем дело?

Определяюсь по-своему. Перед нами книга психолога, который решил отправиться в люди. Ему стало тесно не только в границах профессиональной академической психологии, но и в целом ряде вполне эзотеричных новых психологических практик: психоанализе, трансперсональной психологии,

*транзакционном анализе,
нейролингвистическом
программировании.*

Были ли у подобной работы предшественники? Пожалуй, я могу назвать только одну статью. Её название «Колдун и его магия». Эта статья принадлежит перу всемирно-известного культурного антрополога Клода Леви-Стросса. В ней Леви-Стросс проводит линию различий, пытаясь показать, чем практика психоаналитика и психотерапевта отличается от повседневной работы шамана.

*Автор этой книги делает
обратный ход. Он восстанавливает
в правах огромный личностный*

фактор влияния, и тут я начинаю колебаться. Влияния кого? Гуру? Ребе? Сенсея? Учителя? Мастера, в булгаковском смысле? То, что я затрудняюсь с идентификацией социальной роли главного героя, не случайно. Уж больно предлагаемое автором видение мира непривычно для моего сознания, взращенного культурно-исторической школой психологии Льва Выготского.

Но вспомним, какое сегодня время. Сегодня время поиска не общих путей развития. И если читатель хочет испытать себя в этом поиске, а, быть может, и ощутить новые, ранее непривычные предельные переживания, пусть он

услышит и почувствует «Хохот шамана».

Александр Асмолов

*Профессор, заведующий
кафедрой психологии личности МГУ.*

В книге приведены
обработанные фрагменты
дневниковых записей диалогов с
человеком, живущим необычайной
жизнью. Система практик «Шамана»
сложнее и шире, чем языковые
(знаковые) описательные
возможности автора. Общаясь с
группами людей и другими
существами, Шаман овладел
многочисленными необычными
практиками, позволяющими ему

влиять на окружающий мир и быть членом не только человеческих обществ.

О Шамане и о книге «Хохот Шамана»

Нужно посмотреть на карту. Магаданская область по площади чуть более половины всей европейской части России. По данным переписи на этой площади проживает 182 тыс. человек. Из них более 100 тыс. человек проживает в самом Магадане, около 40 тыс. человек в поселках в радиусе двухсот километров от Магадана. Оставшиеся 30–40 тысяч человек проживают в поселках, в основном, вдоль единственной трассы. Сами поселки существуют лишь потому и

пока в районах добывается золото. Сотни тысяч квадратных километров тайги, тундры, плоскогорий и горных хребтов еще ждут своего исследователя.

Здесь нет и не было ни социализма, ни капитализма. Сама политика кажется отсюда полностью бессмысленным занятием, абсолютно не имеющим отношения к реальной жизни. Европейские государства представляются отсюда небольшими клочками истощенной, загрязненной и густозаселенной земли. Их пафосность при полной бесполезности и отсутствии влияния на жизнь непонятна. Если кто-то из местных смотрит изредка телевизор,

то тенденциозность политиков или других фигурантов несколько удивляет, но так как все они вообще ни на что не влияют здесь, быстро забывается. В девяносто седьмом вернувшийся из поселка эвелн на вопрос о новостях сообщил, что ООН продвигается на восток. «Не ООН, а НАТО», — поправил я. Все посмотрели на меня с удивлением, и я понял, что здесь между ООН, НАТО, РАО ЕЭС и прочими варварскими абракадабрами нет разницы. А я нарушил этикет из-за чепухи.

Триста лет назад где-то по одной из многих возможных траекторий здесь прошли казаки-землепроходцы.

Столетия назад на некоторых из тысяч оленьих пастбищ или лежбищ моржей вспыхивали и гасли схватки коренных народов, далеко в море прошли парусные корабли царских географических экспедиций. В первой половине двадцатого века по маршрутам аналогичным казачьим, но с востока на запад прошли несколько групп сбежавших заключенных или совсем выдающиеся одиночки. В тридцатых-семидесятых очень редким несистематичным зигзагом прошли геологи. С тех пор эвелнов никто не беспокоил. Все контакты с современной цивилизацией устанавливали и регулировали они

сами. Они могут сходить в поселки, а вот из поселков до них никто добраться не может. Трудно и некогда.

Примерно посередине между маршрутами эвелнов и угасающими из-за истощения золотых россыпей поселками на побережье живет иногда Шаман. Его национальность и возраст неизвестны. Летом сюда приходит на промысел бригада Кузьмы (9 человек). Люди очень деловые, решительные и жесткие. Они работают много и бережно, чтобы и в последующие годы пользоваться этим же стадом лосося. Я-то знаю, что такие же заработки они могли бы иметь и поближе к

Магадану, и их ежегодный приход не объясняется рационально. Но это — табуированная для обсуждений в бригаде тема. Капитаны судов рассказывают о том, что раз в несколько лет какой-нибудь из молчаливых отмоороженных пассажиров просит высадить его на побережье, например, в пятистах километров от Северо-Эвенска. Эвелны изредка рассказывают о встречах с одинокими авантюристами, у которых есть здесь какие-то дела, но я с ними не встречался. Больше людей здесь нет.

В начале лета 1997 года я начал строить домик не слишком далеко от трассы, так как любой гвоздь, скобу,

петлю приходилось нести на себе Придавленный за зиму снегом стланик перекрывает тропы, и в мае-июне за ними приходится ухаживать. Любой, имеющий свои тропы, замечает, если кто-то еще начинает отгибать или подламывать ветви. К тому времени я был знаком со всеми людьми, живущими или бывающими в этих местах, и слышал от них о Шамане. С осени 1997 года Шаман жил в одной из своих землянок в нескольких часах ходьбы от моего домика, и мы заходили друг другу.

Шаман производит (и сейчас) тревожащее впечатление своей внесоциальностью. Однажды вечером, когда мы стояли на вершине

и смотрели на далекий, оранжевый в лучах заходящего солнца Магадан, я глянул на Шамана и вдруг понял, что ему все равно, что будет с городом и людьми. Он не настроен враждебно, но не настроен и доброжелательно. Иногда Шаман ведет себя как добрый дедушка-учитель, иногда — мне кажется, что за человеческим обликом скрывается другое существо. Возможно, что многие десятилетия (?) жизни с другими существами наложили на Шамана этот странный отпечаток.

Записывал в тетрадь сразу же и по возможности точно, но записи нельзя считать дословными. Разговаривать трудно, записывать на

диктофон невозможно. Он живет не в нашем ритме, живет в своей вечности, может по полтора-два часа молчать после вопроса, кипятить и пить свои отвары, заниматься сортировкой трав или «амулетов», потом неожиданно ответить. Если я рассчитывал вернуться в город к определенному сроку, то мог и не дожждаться ответа. Но Шаман помнил вопросы и постепенно отвечал на них.

Мои рассуждения и знания горожанина вряд ли оригинальны, поэтому в приводимых в книге фрагментах я оставил только вопросы, чуть сократив их. Главное — ответы Шамана. Они,

чаще всего, неожиданны, оригинальны и глубоки, но некоторые кажутся банальными. Сначала я хотел убрать «банальные» ответы, позже решил оставить и их, чтобы образ Шамана не был мною подретуширован. Хотя и без этого не обойтись: *при подготовке публикации матерные выражения заменены синонимичными (в ущерб экспрессивности, но с сохранением смысла), замены выделены курсивом.*

До сих пор публиковал только научные работы. Эту работу не считаю научной. Пока. Научные работы являются описаниями исследований и их результатов, теорий и моделей, объясняющих

существующие факты и позволяющих находить новые факты. Наука — добывание новых, неизвестных ранее знаний. **В настоящее время, до составления объяснительной модели, приходится сделать шаг назад — к простому описанию разговоров и взаимодействия с необычным человеком.**

Сначала я обратил внимание на парадоксальную для обыденного сознания правильность его бытовых суждений. Например, мы моем руки, возвращаясь из леса, Шаман — наоборот — возвращаясь из стойбища или поселка. Он считает, что на побережье чисто, а инфекция появляется в местах скопления

людей. Логически правильно, но необычно. Потом уже я вспомнил, что и жители Магадана опасаются подцепить заразу в Москве, а москвичи — в провинции. Довольно скоро я убедился, что за такими «бытовыми мелочами» скрывается целостный сложный и своеобразный образ мира. Наблюдая за «невозможными» для простого человека практиками Шамана, я решил, что столкнулся с системой знаний, более широкой и совершенной чем моя. Необычные термины и практики тогда не очень удивили меня, но идеи, которые, на мой взгляд, не являются человеческими... До сих пор я

думаю о проблеме их изложения.

Это заставило буквально «вцепиться» в общение с ним. Достаточно сказать, что для продолжения общения пришлось освоить практику долгих одиночных зимних переходов. Кто знает, что такое — колымская зима, поймет и уровень мотивации. Система знаний Шамана является открытой, то есть он активно усваивает новые знания и опыт.

К 1999 году стало ясно, что уровень сложности его системы понятий и деятельности, превышает мои сегодняшние мировоззренческие возможности. Необычные термины и практики

тогда не очень привлекли мое внимание, но идеи, которые, на мой взгляд, не являются человеческими... До сих пор я думаю о проблеме их изложения. **Методологический тупик** формулировался просто: *«Как исследователь может изучать то, что сложнее его?»*. Простая формулировка не упрощала задачу поиска метода, и я «заметался» между подходами понимающей психологии и деятельностной методологией преодоления ограничений натурфилософии. Лишь через несколько месяцев удалось «вспомнить», что выход находится «в другом туннеле», в рамках СМД-

подхода^[1]. Подсказал этот выход много лет назад необычайно одаренный психолог, методолог и авантюрист Вячеслав Евгеньевич Сиротский^[2] при подготовке совместной статьи: «... замещение описания объекта моделирования описанием процесса моделирования как организации мыслительной деятельности — ход для ситуации, когда сложность описания объекта превосходит интеллектуальные способности исследователя, но он не отказывается от осмысленной последовательности действий по развитию описания модели»^[3]. В этом контексте предлагаемые записи можно рассматривать и как попытку

разворачивания модели по мере ее описания, и как рефлексивную подготовку описания процесса моделирования.

Любой диалог можно рассматривать и как фиксирующую необычные или обычные знания запись, и как элемент описания. Кроме того эта книга является попыткой создания контекста для дальнейшего изложения необычных идей Шамана, которые вне контекста могут показаться совершенно невозможными или даже вызывать страх или агрессию. Сегодня (20 августа 2003 года) я точно знаю, что настоящее понимание

мировоззрения Шамана возможно только через освоение его практик. Например, после общения с Шаманом я стал замечать некоторые «неправильности» в образе жизни окружающих меня людей и, если просили, указывал на них и подсказывал, как исправить. Иногда это весьма эффективно помогало избавиться от заболеваний, вызванных неправильным образом жизни. Некоторые из окружающих стали считать, что я научился у Шамана практике целительства, хотя ни о каком целительстве здесь нет и речи. Речь идет о практике внимания, произвольности, наблюдения и понимания, которая имеет

«побочный» эффект профилактической помощи. Кроме этой практики для излечения необходима практика волевого действия, суть которой я начал излагать в разделе «Аэродром подскока»

Следуя принципу: «лучше иметь плохо разработанный план, чем никакого», пока определяю жизнь Шамана как «Состояние свидетеля». Мне кажется (пока упрощающая модель), что он является идеальным действующим созерцателем, перед которым проходят ряды образов (например: я, эвелны, Советская власть, мамонты, разрушающиеся и поднимающиеся горы...). При этом я

не утверждаю, что Шаман живет столь долго. Он просто пребывает в этом состоянии.

После выхода в Магадане в 2001 и в 2003 годах первых фрагментов записей, многие читатели говорили мне, что записи похожи на тексты К. Кастанеды. В связи с этим вынужден указать на то, что упорно не замечают «кастанедоведы»: **тексты Кастанеды очень похожи на диалоги Сократа в изложении Платона. При этом в текстах Кастанеды нет никакого плагиата. Он просто описывал взаимодействие и беседы со значимым для него человеком, как это делал и Платон. Это**

определило сходство стилей. На стиль также повлияли мои многолетние практики использования в процессе когнитивной и рациональной психотерапии техник «сократовского диалога».

Сравнивая концепции Шамана и дона Хуана, укажу лишь на фундаментальное различие их в понимании сущности человека, которое определяет и различие их действий: дон Хуан считает, что человек — воспринимающее мир существо и использует «описания»; Шаман считает, что человек и другие живые творят мир, и использует «практики»

(деятельность).

Выражаю искреннюю
благодарность членам нашей
интеллектуальной «тусовки», частью
уже разъехавшимся по России, с
которыми мы много обсуждали мои
полевые записи и составляли
вопросники для Шамана: доценту
кафедры психологии Северного
международного университета
(Магадан) Андрею Губареву,
предпринимателю Олегу Задеренко,
зав. кафедрой психологии и
психофизиологии труда в особых
условиях Морского государственного
университет им. адм. Невельского
(Владивосток) Виталию Калите,
доценту кафедры философии

Северного международного
университета Александру Леснову,
зав. кафедрой психологии труда и
инженерной психологии МГУ им.
М.В. Ломоносова Юрию Стрелкову и
практикующему целителю Алену
Толстову.

Повторяющиеся настойчивые
просьбы больных и их родственников
организовать им встречу с Шаманом
я не могу удовлетворить никаким
способом. Это связано с практиками
одновременного перемещения
Шамана и во времени, и в
пространстве, которые я не только не
освоил, но даже пока не могу
сколько-нибудь успешно описать.

Сами диалоги с Шаманом

начнутся со второго раздела книги (Хохот Ворона), а в первом (Благодарность Волка) необходимо описать ситуацию, которая привела меня к определенному образу жизни. Другая жизнь повела бы другой дорогой, на которой встреча с Шаманом не состоялась бы.

Благодарность Волка

Скоро благодарность Волка кончится.

Я мог бы быть Медведем.

Уже будучи матерым Волком, понял, что сначала был шанс стать Медведем. Готовности не было.

Шанс появился, когда мне было шестнадцать. В компании друзей все были старше, но я был не по годам высок, силен и угрюм. Разницу в возрасте никто, кроме меня, не чувствовал. Летом мы браконьерничали на реке Армань: солили икру и тут же ее продавали перекупщикам за водку, еду (мы называли ее жратвой) и небольшое

количество денег.

Я хорошо держался в компании, хотя внутренне был не так крут, весел и бесстрашен, как мои друзья. Равное поведение стоило настолько больших усилий, что по вечерам я уплывал на резиновой лодке и в течение часа-полтора молча сидел на берегу, отдыхая и приходя в себя. Друзья, в два вечера отшутив по поводу моих отлучек, стали принимать их как должное.

В тот вечер я привычно позволил реке тихонько ткнуть лодку в берег под кустами. В сумерках на воде всегда светлее, и не сразу стало заметным какое-то сгущение темноты у кустов. Раньше понял, чем

убедился, что всего в десятке метров находится огромный медведь. Для магаданца такая встреча не является полной неожиданностью. Еще пацанами все наслушались многочисленных рассказов о встречах с медведем, и, выходя в лес, не исключают этого. Я поднял ружье, ощутил твердость приклада и уловил с некоторым изумлением свое странно спокойное и уверенное состояние. Медведь тоже это почувствовал. Примерно через год, когда я писал соответствующие возрасту обычные неуклюжие юношеские стихи обо всем, то описал эти минуты:

Медведь почувствовал
уверенность врага,
Уверенность была
фатальной, страшной.
За ним его кусты, река,
тайга,
А впереди — опасность.
Опасность. И ее не
избежать.
Тогда вперед по линии
судьбы...
Рука не дрогнула,
Девятиклассник его убил.

Стихи эти я уже не помню
точно. Кончались они примерно так:

Я часто видел мальчиков с
ружьем,
Но больше никогда —
медведя.

Все-таки стрелял от страха.
Боялся не медведя, а того, что
благоприятная ситуация закончится,
а с другой не совладать. Через много
лет, взрослым я определил это
состояние термином «уверенная
трусость». Большинство знакомых
отлично поняли. Если бы не стрелял,
то получил бы благодарность
Медведя, как позже получил
благодарность Волка. Когда
начинаешь лучше понимать зверей,

перестает удивлять их тончайшая эмпатийность. Чуть раньше меня самого медведь все понял и попытался драться. Только через восемнадцать лет впервые рассказал об этом случае хорошей знакомой.

В десятом классе я серьезно занимался легкой атлетикой. Годовой тренировочный объем средневика^[4] составлял тогда 3500–4000 км, что требовало набирать в зимние (не скоростные) месяцы по 600–800 км нагрузки кроссом или на лыжах. Естественно, что все окрестные сопки были «избеганы» вдоль и поперек.

В декабре, следуя за стайкой куропаток, я спугнул огромного

одинокого белого волка^[5]. В одном стволе у меня всегда был «жакан» — патрон с запрещенной тогда, надпиленной для раскола при встрече с препятствием стальной пулей со стабилизаторами. При полете она издавала, вращаясь в воздухе, неприятный жамкающий звук, что и определило название. Вставив второй такой патрон, побежал по волчьим следам, размер которых впечатлял. Поднявшись на сопку, увидел волка уже неожиданно далеко на склоне следующей. Волк бежал изо всех сил, проваливаясь и извиваясь в глубоком рыхлом снегу.

В тот же момент стало понятным и состояние волка,

который боролся за жизнь, и неприятное сравнение его состояния со своим состоянием молодого придурка, увидевшего интересную престижную мишень. Сразу же и волк все понял. Он остановился и повернулся. Мы были слишком далеко, чтобы видеть глаза друг друга, но волк мне что-то предложил, и я принял это. Развернувшись, я медленно покатился назад, унося с собой **благодарность Волка.**

Даже сейчас трудно описать ее. Сначала она вообще не могла описываться словами. С годами, стали накапливаться отдельные описания. Я находил их совершенно неожиданно в разговорах, фильмах,

книгах. Например, у Василия Шукшина описано состояние волка, понятое преследуемым человеком: «...он не пугал и не угрожал, просто настигал добычу». Со временем я научился так вести себя на охоте, а потом, уже в армии, и в социальных взаимодействиях. Пользуюсь этим лишь в исключительных ситуациях; люди сразу чувствуют что-то чуждое, непонятное. Еще раз подчеркну, что описывать благодарность Волка могу только тогда, когда «узнаю» случайно фрагмент такого описания в чужом тексте. Сейчас таких фрагментов накопилось довольно много. Пока их завершает утверждение старого эскимоса Айвыхака о том, что летом

Волк, бросившись со скалы в море, может превращаться в Косатку.

Конечно, я скоро забыл о благодарности Волка и много лет вспоминал о ней лишь эпизодически. Слово «благодарность» не совсем и подходит, но лучшего подобрать не удастся. Это ближе к благодарности. Волк поделился лучшим, что у него было, я принял, и пришлось с этим жить. Не могу сказать, хорошо это или плохо. Иногда очень помогает, хотя, наверное, просто не замечаю негативных сторон. Термины «усталость от жизни», «скука», «хандра» и им подобные для меня являются лишь известными именно благодаря этому.

На следующее лето я опять недолго был в компании своих друзей-браконьеров, ставших уже профессионалами. Немногие знают, что свежая лососевая икра светится в темноте. Сам бочонок — не очень, но то, что намазалось на стенки, светится. Заметив это, я как-то ночью плохо (но, по ценностям той группы, очень удачно) подшутил над товарищем. Еще не все уснули, и в землянке тянулся вялый разговор, когда Чан (кличка) вышел во двор. Я намазал руки по локоть и лицо светящейся икрой, отчего выглядел в темноте самым ужасающим образом. Когда Чан входил в землянку, я с ревом схватил его за горло. От

неожиданности он сел на землю и крикнул: «Мама!». Товарищи наши хохотали до слез, смеялся и Чан. Я тоже смеялся, но для виду. Я смотрел в темноте на товарищей, и вдруг понял, что смотрю на них изучающим взглядом Волка со склона другой сопки. Я был благодарен им за школу лихости, цинизма и жесткости, но понимал, что с этой минуты наши пути расходятся на многие-многие годы.

После того как мы все отслужили в армии, наши траектории разошлись уже явно. Яркий, полный приключений след моих товарищей проходил через горы, моря и дальние страны, через

добычу краба, икры или золота,
колымские тюрьмы и
экваториальные острова; мой,
наверное, менее насыщенный
приключениями и конфликтами, —
через большие города, занятия
физикой, психологией и поиски
знания, университеты и монастыри.
Лишь через тридцать лет, когда
благодарность Волка заканчивается,
наши траектории начинают опять
странным образом сплетаться и
пересекаться вокруг Анадыря,
Магадана, Южно-Сахалинска и
Владивостока

1997

Хохот Ворона

06.11

Шаман требует, чтобы я не «набивал след» и подходил к его землянке каждый раз немного разными путями. Сам он неукоснительно соблюдает это правило, когда приходит в гости. Особенно его способность не оставлять следы поражает меня зимой. Когда я хожу вместе с Шаманом или вижу, как он приближается, всегда видна и его

лыжня. Но если Шаман уходит или приходит незаметно, лыжни нет. Мои вопросы об этом сначала веселили Шамана, потом надоели ему, и он сказал, что в одиночку просто летает или «ходит более коротким путем». Зная, что другого варианта ответа не будет, я прекратил спрашивать.

Зимой вероятность того, что кто-то из людей пройдет по следу, ничтожна мала. Охотники не отходят так далеко от поселков, туристов здесь и в помине не бывало, местные^[6], при крайней нужде, придут и без следа. Но Шаман считает, что есть много существ, которых возмущает или смешит само существование следа. «Однажды они

поучат тебя или подшутят над тобой», — говорил он.

Выйдя в утренние сумерки из землянки Шамана за дровами, я пошел по своей вечерней лыжне. Возвращаясь через час уже по свету, с ужасом заметил на снегу вдоль лыжни следы существа с четырьмя огромными когтями. Существо было велико, шаг его составлял два-три метра, когти — не менее четырех-пяти сантиметров. Судя по следам, существо кралось за мной вечером, изредка отпрыгивая далеко от лыжни большим прыжком и возвращаясь опять через пятьдесят-сто метров. В одном месте существо повалилось в снег, оставив многометровый

неглубокий отпечаток. По отпечатку я понял, что поверхность существа бугриста, и у него не менее восьми коротких когтистых лап. Самым необъяснимым было то, что при таких габаритах существо совершенно не проваливалось в снег, и если бы не страшные следы когтей, еле заметный след не бросался бы в глаза. Ранее я читал о существе, оставляющем такие следы. Оно называлось Джек-Прыгун, появлялось в Англии в начале 20 века, и появление его было связано с большим количеством человеческих жертв. Все же я не бросил дрова, хотя остаток пути до землянки прошел гораздо быстрее, чем обычно.

Оставив санки на улице, я влетел в землянку, не выпуская из рук топора, и сразу же приступил к расспросам:

— Здесь водится Джек-Прыгун?

— Это кто?

— Я читал о таинственном существе в Англии, которое оставляет длинные когтистые следы на снегу. Их рисунок похож на следы возле моей вчерашней лыжни.

— Ты испугался? (Шаман захохотал.)

— Согласись, что когти ужасные, и след без провала. Это выглядит уж очень необычно.

— Я бывал в Англии, когда служил на Северном флоте. Никто мне не рассказывал про Джека-

Прыгуна. А эти следы оставил Ворон. (Хохочет).

— Как это?

— Ворон летит вдоль лыжни и одним крылом касается снега. Жесткие перья оставляют такой след.

— Он сделал это специально?

— Я думаю, он пугал тебя. (Смеется.) Сплошной след лыжни очень смешон для Ворона.

— Откуда ты знаешь?

— Я сам — Ворон.

— То есть ты — как Ворон?

— Нет. Просто я — Ворон.

— То есть ты подобен Ворону?

— Повторяю для особо одаренных: я — Ворон.

— Ты бываешь иногда Вороном, иногда — человеком?

— *Хватит задавать дурацкие вопросы.* Все равно этот ответ ты не поймешь.

— Хорошо. Как-нибудь еще Ворон может напугать меня?

— Эти узоры на снежных склонах, которые ты фотографируешь, чтобы сравнить с ацтекскими, тоже сделал Ворон.

— Откуда ты узнал?

— Много лет назад я зарисовывал их с той же целью.

— Как Вороны рисуют эти узоры?

— Играют и веселятся. Катаются на брюхе с крутых склонов,

взлетая и садясь в любом месте. Так они имитируют след ползающих. Потом взлетают и любуются. Но, конечно, лыжня для них гораздо смешнее. Им самим так никогда не сделать.

— Но зачем?

— Вороны живут довольно долго и должны развлекаться, чтобы не уставать от жизни.

— Что они еще делают?

— На том месте, где, как ты думал, валялся Джек-Прыгун (смеется), Ворон просто купался в снегу.

— А еще?

— Ворон, который пугал тебя, старше меня. При случае я тебе

расскажу еще что-нибудь, но я не могу знать про него все.

07.11

Многие часы Шаман проводит, сидя на специально сколоченной скамейке-кресле и глядя на замерзшее море. Эта скамейка является одним из немногих мест, на которых Шаман спит вне хижины. Происходит это необычно: Шаман вдруг ложится на скамейке и сразу засыпает. Минут через пятнадцать-двадцать он просыпается совершенно не сонным и опять сидит. Раз я наблюдал это трижды в течение пяти

часов.

Когда Шаман сидит на скамейке, я могу подсаживаться к нему, заводите разговор, но именно в эти часы паузы между моими вопросами и ответами Шамана бывают особенно большими. Шаман говорит, что смотрит «волны льда», хотя я всегда вижу только абсолютно ровную бескрайнюю белую плоскость. Шаман считает, что вся жизнь деревьев, льдов, людей, облаков является волнами, и иногда мы обсуждаем это.

— Жизнь — волна?

— Ты видишь, как вздымаются и опадают волны на море?

— Да.

— Горы — это такие же волны, только очень медленные. Ты можешь понять это?

— Наверное, могу.

— Тот, кто видит, что горы являются волнами, видит, что и народы как волны. Сейчас волна одних народов на подъеме, других — на спаде.

— От чего зависят подъемы?

— От силы отдельных людей.

— Как узнать сильных людей?

— Сильный человек спокойно преодолевает новые и новые препятствия, независимо от того, предвидел он их или нет. Другими словами: обстоятельства не разбивают его волну.

Иногда Шаман пользуется необычными предметами. Например, деревянным прямоугольным блюдом, иглой из бивня мамонта, луком из китового уса или наконечниками стрел из обсидиана. Однажды он при мне изготовил, точно обкалывая кусок льда, ледяной нож и заколол им же сделанную из снега, земли и веток тварь (зверя с рыбьим хвостом). Шаман утверждал, что такая полевая тварь привязалась к нему на полосе отлива, и он хочет наказать и отогнать ее, но не убить. Тогда еще я скептически относился к его разговорам о полевых животных,

но мой скептицизм поубавился уже через несколько часов, когда мы вновь подошли к чучелу. Стояла морозная безветренная погода. Пока нас не было, чучело изогнулось, а ледяной нож наполовину вылез из него. Шаман вынул ледяной нож и разбил его, затем тщательно разрушил чучело.

На мои расспросы он ответил, что берет иногда предметы на стоянках древних людей и там же узнает способы деятельности. Он знает тысячи таких стоянок и является мастером множества древних ремесел^[7]. Археолог повесился бы рядом с ним.

— Как можно найти эти

стоянки?

— Они везде, где есть вода, охотничьи угодья или пастбища. Где еще, по-твоему, должны были жить люди тысячи лет? Со временем ты просто чувствуешь их.

— Есть материальные признаки?

— В пригодных для жилья пещерах, гротах на берегах жили обязательно. Бугры с провалом и торчащими костями кита бывают на месте землянок.

— Насколько они древние?

— Две-три с половиной тысячи лет.

— А древнее?

— Люди здесь жили, в понятии

человека, всегда. То есть, сколько есть люди, столько они здесь и жили.

— Почему же сегодня это под вопросом?

— Раньше людям не нужны были уголь, нефть или другие энергоносители. Сегодня они тратят на это большую часть заработка и мерзнут.

— Что же делать?

— Эта цивилизация ошибочна в том, что везде стремится создать одинаковые условия. Такой способ проигрышен, так как требует постоянного притока энергии извне. Скоро варвары будут изучать способы жить в тех условиях, которые есть.

— Кто это — варвары?

— Варвары — люди со столь низким уровнем культуры, что без своих приспособлений они не проживут в тундре и суток^[8].

— А развитые цивилизации здесь были?

— Да.

— Почему же нет следов?

— Они на дне моря и на некоторых северных островах. Скоро найдут.

— Что за следы?

— Сейчас на больших глубинах могли сохраниться только следы огромных сооружений. Например, аэродромов, туннелей, каналов. А рядом найдут и остальное.

— Как скоро?

— Еще при жизни твоего поколения.

08.11

Шаман общается с Духами очень редко, так как редко готов к такому общению. Без готовности общаться с Духами нельзя; неподготовленный человек раздражает их. Готовность он описывает как полную ясность сознания и полное освобождение от суеты^[9]. В такие моменты он окуривает землянку смесью можжевельника, стланика и специальных для каждого Духа трав, ритмично танцует и поет низким

голосом песню соответствующего времени и ситуации Духа. Выбор не за Шаманом. Сам разговор и цели общения Шаман мне не описывал, объясняя, что в моем языке нет пока терминов для описания такой практики. Шаман считает, что язык развивается вслед за практиками. Иногда я расспрашиваю его как знатока (эксперта) общения с Духами.

— Почему Духи помогают или не помогают?

— Духи помогают при определенных условиях.

— Каковы эти условия?

— Духи не помогут тебе ни в одном деле, которое ты смог бы

сделать сам. Но если ты подвел свои дела к черте своих возможностей, действуешь на грани возможностей и дружен с Духами, они помогут тебе.

08.11

Шаман расспрашивает о Москве, Санкт-Петербурге, Риге и других городах. В его вопросах чувствуется наличие своеобразной системы. Например, рассказы о проверке документов в Москве он слушал зевая, а о магнитных картах долго расспрашивал и был недоволен неполнотой ответов; вопрос о ценах он считал несущественным, а то, что

в метро стало меньше красивых женщин — очень существенным. Мою версию о том, что красивые женщины пересели в автомобили, он одобрил, а версию о конкуренции как основе ценообразования — высмеял. Его высокий уровень социальной компетентности при отшельническом образе жизни удивлял меня.

— У тебя есть паспорт?

— Спрятан возле города.

— Откуда?

— Море и горы дают все. Когда я нашел этот паспорт, его владельцу уже нельзя было помочь.

— А настоящий?

— Настоящие документы давно

истлели.

— Ты где-то прописан?

— Зарегистрирован.

— Как ты это делаешь?

— В следующий раз ты немного
поможешь мне и узнаешь.

— Как ты можешь знать, не
бывая в городе?

— Я знаю города также хорошо,
как море или горы.

— Откуда?

— Я прожил в городах много
дольше тебя и еще собираюсь жить в
них.

— Как давно ты начал так жить?

— Сослали меня в Якутию еще
как правого эсера. Я сразу ушел на
Восток, к океану.

— Но и здесь люди жили: Охотск, Ола, Гижига, Марково...

— И здесь достали. В двадцатых я имел бартер с японскими капитанами. Потом, при Дальстрое, вылечил одного старого несчастного особиста. Он сказал, что мне грозит за этот бартер.

— Он был прав?

— Компаньоны, которые не решились уйти, умерли в лагерях.

— Может они, действительно могли сообщить японцам что-либо стратегически важное?

— Конечно. Здесь была целая рота медведей и дивизия зайцев^[10].

— Как ты ушел?

— На юг, потом на запад по

Охотскому тракту. Советские им уже мало пользовались. В Олекминске купил документы.

— Что ты брал у японцев?

— Все. Даже купил жену.

— Японскую?

— Да, тогда это было обычно.

— Именно купил?

— Я попросил, и через год мне привезли девушку.

— Много привозили японских девушек?

— В восемнадцатом-девятнадцатом веках японцы, китайцы, корейцы, американцы постоянно кого-нибудь привозили и увозили.

— А русские?

— Русских, конечно, было больше. Они с пятнадцатого века приходили по суше всем отрядом или караваном, а не единицы, как с кораблей.

— Что стало с той японской девушкой?

— На следующий год отправил домой. Им очень плохо здесь зимой.

— У вас был ребенок?

— Нет. Быстро понял, что придется отправить. Боялся, что зиму не переживет.

08.11

Обсуждая

вопросы

взаимодействия с Духами, Шаман утверждал, что именно мой язык мешает мне понять, что такое «Духи». Когда я рассказал ему гипотезу лингвистической относительности и детерминизма^[11], Шаман заявил что мой язык вносит ограничения и в саму гипотезу. Он считает, что ее следовало бы сформулировать и назвать гипотезой относительности практик, так как человек вообще не может говорить о том, что не практикует.

— Почему язык может меня ограничивать?

— Слова твоего языка обозначают предметы и действия, но мир не состоит из предметов и

действий.

— Из чего же он состоит?

— Из того, что ты о нем думаешь.

— Я спрашиваю о реальности.

— Ты можешь думать только о том, что ты делаешь, и это — твоя единственная реальность.

— А как думать о другой реальности?

— Ты видишь летящую чайку и говоришь: «Чайка летит». Это твоя реальность. Древний чукча говорит слово, обозначающее: «Дух побережья проявляет себя в чайке, и я понимаю этот знак». Он это делает, такое понимание — часть его практики, и это — его реальность.

— А есть единая реальность для всех?

— Только на уровне совпадения практик.

08.11

Каждое лето читаю в магаданских газетах сообщения о жертвах столкновений с медведями и много предупреждений-рекомендаций о безопасном поведении. Шаман не боится медведей, считает их безобидными существами очень близкими к нему. При этом он говорит, чтобы я был осторожен и следовал

рекомендациям, так как медведи не близки мне. Он не любит говорить о медведях, и лишь однажды ответил на мои вопросы.

— Правда, что, когда с медведя снимают шкуру, он похож на человека?

— У медведя плоская грудная клетка, квадратики пресса и бицепсы атлета. Его недаром называют лесным человеком.

— Ты убивал медведя?

— **Что ты. Я сам — Медведь.**

— **То есть, ты — как Медведь?**

(Шаман поморщился и не стал отвечать.)

Собираюсь в город. Нужно сделать крюк от землянки Шамана к моему домику, забрать паспорт и в нем деньги на дорогу. Из леса иногда выходишь в таком виде, что могут и спросить документы. Шофера на этом участке трассы рассказывают друг другу обо мне мифы типа «А вдоль дороги...»: «На тысячу километров ни одного поселка, и мужик пеший на дороге голосует». И выдумки всякие. Это неплохо. Предупреждены, не боятся, подсаживают. Со своей стороны, стараюсь поддерживать хорошие отношения: когда проставлюсь, когда с мелким ремонтом договорюсь и заплачу... В таких отношениях

важны не деньги, важно, что человек стремится быть благодарным.

Все же досадую немного, что не взял паспорт, когда пошел к Шаману. О паспорте на побережье не думаешь, как о вещи из другой жизни. Вспомнил вчерашний разговор с Шаманом.

— Ты захоронил труп, у которого взял паспорт?

— С понятием. И крест поставил. Хотя не вижу в этом смысла.

— Зачем тогда?

— На нем крестик. Возможно, верующий.

— Не понимаю. Ему уже было все равно, для тебя бессмысленно.

Зачем?

— Ему — не все равно. Для него есть смысл.

— Но он же был мертв, когда ты его нашел.

— Тело мертво, но при чем здесь смысл?

Несколько секунд мы молча смотрели друг другу в глаза, и я решил сменить тему.

— Зачем тебе его смысл? Ты поступил социально?

— Нет. Просто выполнил договор.

— Какой еще договор?

— Я взял у него паспорт и похоронил его так, как ему бы хотелось.

— Я что-то не понял в сути договора?

— Другими словами: отдал несколько своих действий его смыслу. В благодарность за паспорт. Это просто кратковременное сотрудничество.

— Может быть, нужно было сообщить родне.

— Кто я такой, чтобы отнимать у людей надежду.

29.12

Кожа на руках, ногах и лице покраснела и стала шелушиться. Попросил Шамана сделать какую-

нибудь мазь, но он показал ряд статических и динамических упражнений.

Упражнение «Ворон» — прыгать двумя ногами по глубокому снегу и махать руками — показалось мне особенно дурацким, а, увидев, что Шаман хохочет над моими прыжками, я потребовал разъяснений.

— Почему ты думаешь, что от твоих упражнений кожа заживет?

— У тебя просто холодовая аллергия. Сибирские мамы это называют «знобышком».

— Мамы, наверное, не заставляют детей прыгать?

— Это — от застоя крови в капиллярах. Чтобы прошло, нужно

или пожить в тепле, или регулярно «гонять кровь». Мамы отогревают детей, а ты — мужик. Прыгай.

1997

Эвелны

16.07

В первое время привычка Шамана часами молчать после моих вопросов раздражала. Я даже не всегда был уверен, что он услышал и понял вопрос. Иногда мне это казалось невежливым с его стороны, иногда — что он просто пренебрегает общением.

— Почему ты молчишь после моих вопросов?

— (Пауза, минут пять-шесть).

Нужно подумать, перед ответом.

— Отшельничество не сделало тебя тугодумом?

— (Неожиданно, Шаман ответил сразу и в нарочито быстром темпе, немного комкая и сливая слова). Конечно, я-мог-бы-сразу «залепить» любые-слова, болтающиеся-на-языке, чтобы-потом-думать: «Что-это-я-сказал?». Или, наоборот: «О-как-здорово-я-сказанул». Но (Шаман заговорил в нормальном темпе), тогда бы я не говорил, а выдавал вербальный понос (смеется).

— Как ты решаешь, когда отвечать?

— Не решаю. Вопрос должен

«перевариться». А ответ должен «придти». Бывает, что я даже на некоторое время забываю о вопросе. Простой вопрос требует нескольких минут, а принятие решения требует очевидных знаков.

— Какие знаки?

— Эвелны, например, часто видят варианты решения во сне. Многие жители Магадана «читают» совпадения, хотя не отдают себе отчет в этом.

— Как увидеть знаки?

— Сначала тебе нужно научиться смотреть?

— Как ты научился?

— Очень много лет мне не нужно и не перед кем *выделяться*.

Вербальные объяснения отпали сами собой.

— Но я — преподаватель.

— Тебе очень трудно. Работа приучила все объяснять. Теперь ты чаще видишь не реальность, а свои объяснения.

— Что мне делать?

— Поучись у эвелнов. Посмотри, как они начинают действовать. Их мир не так благоустроен, приходится больше действовать. Для этого нужны не объяснения, а реальность.

После обеда пришли два молодых эвелна. Они пришли к Шаману и с утра уже побывали у его землянки. Поздоровавшись с нами прикосновением ладоней, они неторопливо побеседовали с Шаманом на смеси русского и эвелнского языков. Я понимаю эвелнский, но мне трудно говорить, из-за того, что в их языке один наш звук может звучать по-разному^[12]. Внимание привлекли очень добротно сделанные ножны и чехлы для карабинов. Штучная работа. Наверняка, на рукоятках и прикладах вырезаны интереснейшие сюжеты.

Эвелны очень вежливы. Отказавшись от приглашения зайти в

домик, они традиционно спросили меня, где можно развести костер. Пока один из них занимался сбором дров^[13], второй предложил поменять мои запасы чая на очень ровный большой кристалл александрита. У меня оставалось лишь три пачки, две подарил им. Пришлось попросить Шамана специально поговорить с эвелнами, чтобы не отдаривались.

У эвелнов есть предпринимательская жилка — хотели договориться со мной о доставке чая и других легких, по их мнению, предметов. Совершенно естественно они приняли и мои объяснения об особом образе жизни и нежелании брать на себя

обязательства. В городе такое редко кому объяснишь. Когда и второй эвелн ушел за дровами, я стал расспрашивать Шамана о них.

— Кто-то заболел?

— Нет, пришли поговорить со мной.

— Надолго?

— Утром уйдут. Разговор ночью.

— Могу я спросить, если не секрет?

— Исчезла одна звезда, наверное, шестой величины.

— Где исчезла?

— В небе. Сегодня первая половина ночи будет ясной.

— Это — катастрофа?

— Наверное. Много тысяч лет

назад.

— Я видел эту звезду?

— *Это — вряд ли.* У тебя не такое зрение, как у местных.

— Они что, постоянно считают звезды?

— Они не умеют считать.

— ???

— Мы с тобой умеем считать, поэтому мы ничего бы не заметили. А они видят небо как картину, целиком, и заметили, что картина изменилась.

— Почему они пришли к тебе?

— Они хотят знать, что это за знак?

— А это знак?

— Конечно.

— Я могу узнать?

— Мне нужно дождаться ночи и самому увидеть эту часть неба.

— Часть неба имеет значение?

— В каждой части живут свои духи.

— В школе учил астрономию?

— Не только в школе. Астрономия не помогает, например, узнать погоду по небу, а знание о духах помогает.

— А сам ты не заметил изменений?

— Я смотрю в небо чаще тебя, но не так часто, как местные.

— Они сами пришли, или их послали?

— Сами, двое.

Поговорив о звездах, мы долго сидели у костра эвелнов. На побережье звезды намного ярче, чем в городе, так как в небе нет отсветов электричества. Просто пелена звездная. Эвелны иногда напевали неторопливую протяжную песню, мотив которой удивительно гармонировал с картиной звездного неба, потрескиванием дров в костре и далеким шумом волн. Я записал перевод песни. Перевод принципиально не может быть дословным, так как в эвелнском языке многие слова образуются в ситуации впервые и единственный

раз по определенным правилам. И эта песня у другого костра повторится чуть-чуть в другом варианте.

Песня о жизни

Когда я молод был,
Каждый день открывался в
новом мире
И, засыпая, я хотел скорее
проснуться.
А сейчас я просыпаюсь в
том же мире,
И мне жаль звезд, которые
гаснут утром.
Хотя их у меня еще будет
много,

Но их уже мало.

18.07

Оказывается, эвелны пришли на байдаре. Мы пошли проводить. Байдара была загружена китовыми позвонками и ребрами. Эвелны оставили нам два позвонка для сидений. Один из них надел дождевик из кишок моржа. За такой дождевик любой музей, наверное, не пожалел бы денег. Шаман стоял на берегу и смотрел, пока байдара не скрылась в линии слияния серого моря и серых туч.

— Зачем им столько кости?

— Они режут из кости кое-что для хозяйства и поделки для обмена.

— Я думал, режут из бивня мамонта или моржа.

— Мамонт или морж ценятся больше, у них тоньше фактура. А ребро кита пористее. Но фигуры без мелких деталей неплохо получаются.

— Ты резал?

— Практиковал года три, когда жил в Уэлене.

— Какой все же смысл резать из материала с худшей фактурой?

— У них нет в изобилии моржа или мамонта.

— И они отработают полную байдару?

— *Это вряд ли.*

— А зачем везут?

— Чтобы было.

— Древние эвелны так не делали.

— Почему ты решил?

— Я читал, что они были стихийно экологичны. Например, охотник не убивал вторую нерпу, даже если мог.

— *Бредни* кабинетных ученых.

— Ты думаешь, что убивал?

— Не убивал, но не из-за экологичности.

— А почему?

— Убив нерпу, охотник должен много километров волочь ее сам домой. А нерпы бывают до

четырехсот килограмм. Ты бы тоже не брался за вторую.

— Они не боятся потерять берег из вида?

— Они пошли напрямик, по ветру и не увидят берега до вечера.

— У них есть компас?

— Нет.

— Как же они ориентируются.

— Они просто помнят направление.

— Но солнца же не видно.

— Косатка — из их тотема. Они сами помнят.

Словно в подтверждение слов Шамана огромный, сравнимый с парусом черный плавник Косатки медленно торжественно и хищно

прорезал поверхность моря между нами и скрывшейся байдарой.

18.07

Мысли об эвелнах и неуместная тревога по поводу их плавания не оставляли меня. Рационально я убеждал себя, что для наших гостей такое плавание — совсем обыденное дело, но видел я это впервые, и выглядело все очень ненадежно. Решив пару часов проводить Шамана, я не смог удержаться от вопросов о гостях.

— Им привычно вдвоем управляться с такой большой

груженной байдарой? И руль, и парус.

— Они могут ею управлять, даже загарпунив кита.

— Они ходили в школу?

— Нет.

— А как же районо?

— Власти, наверное, знают о них, но никто не занимался. А может, судя по твоим рассказам о ситуации, сейчас власти о них не знают. Тем более что они не живут много лет на одном месте.

— Но это явно не замкнутая группа. Эти двое помощнее меня.

— Конечно, не замкнутая. Там есть и русские, и якуты, и эвенки. Парни ходят в поселки и, наверное, в Магадан. Просто они считают свой

образ жизни более настоящим.

— Так они не чистокровные эвелны?

— Они — настоящие эвелны по образу жизни.

— Чем они живут?

— Эти — универсалы. У них есть олени, есть морской промысел и есть бартер на пушнину.

— Как они установили отношения с тобой?

— Я сам начал устанавливать отношения.

— Почему?

— Они — местные. Общение с ними дает ключ ко многим местным практикам.

— Мне показалось, что они

учатся у тебя.

— Они могут осуществлять коллективные практики. А у меня они учатся многому тому, что сначала я понимаю с их помощью.

18.07

Уже много раз после встреч с эвелнами задумывался о них. Удивлял резкий контраст между их поведением в городе и на побережье. Уехавшие эвелны производили впечатление сильных, уверенных в себе, даже излишне уверенных, спокойных молодых мужчин. Так оно и есть.

Из школьного курса «Истории Магаданской области» знаю, что они никогда не платили дань царю и почти триста лет воевали костяными луками и каменными копьями с казаками-землепроходцами.

Одновременно — столетия воевали с гораздо более многочисленными якутами на Западе, эскимосами и индейцами на Востоке. Именно в войне они изобрели кольчуги из костных пластин и тяжелые луки из китового уса. из-за этих кольчуг (пули не брали) казаки потом сто лет считали эффективным только рукопашный бой. До сих пор можно встретить остатки казачьих острогов, которые укреплены куда массивнее,

чем форты американских солдат, воевавших с индейцами. Это — не Кавказ. Местных никто никогда не покорял. Лишь после того, как умный царь повелел прекратить войны и организовывать ярмарки, казаки смогли беспрепятственно выходить на северное побережье Тихого океана.

Эти эвелны — прямые потомки тех, и вряд ли кому улыбнется воевать с ними здесь. В то же время в городе они выглядят неуверенно, почти любой жулик или хулиган видит в них жертву. Они стараются ни с кем не связываться, слишком многое, на мой взгляд, могут стерпеть. Если же будет перейдена

черта и их терпения, то реакция будет отсроченной и неадекватной. Например, стрельба или поножовщина в ответ на слова или удар рукой, нанесенный восемь дней назад. После этого дорога в город заказана.

Шаман похож и на эвелна, и на современного городского мужчину. Лицо его морщинисто и обветрено, темно-коричневое от жесткого местного ультрафиолета и ветров. Или от рождения. Он уже в том возрасте, когда черты лица «закрывают» национальные признаки. При первой встрече я бы дал ему от сорока до шестидесяти.

— Ты кто по национальности?

— Никто, и звать меня никак;
так, одинокий странник^[14].
(Смеется).

— Ну а все же?

— Метрик не было, спросить
поздно.

— Местные думают, что ты
эвелн?

— *Хоть горшком назови.*

— Почему они так теряются в
городе?

— Не теряются, не успевают.

— Как это?

— В привычной ситуации они
действуют на основе понимания так,
как им кажется правильно. В городе
не чувствуют, что правильно.
Соответственно, не могут вовремя

принять решения о действии.

— Часто кажется, что они боятся.

— И такое, наверное, бывает. Хотя реже, чем у городских.

— Но они часто уступают в ситуациях, подчиняются.

— Для них ситуация еще долго не кончается. Счастье городских, что размышляя, они гораздо чаще обвиняют себя в некомпетентности, чем их в грубости.

— Если все же они обвинят городских?

— Очень редко.

— Ну, все же.

— Тогда они охотятся прямо в городе. Могут улыбаться при

встречах. Но ты уже — дичь.

— Жуть.

— Не тревожься, ты не агрессивен. Тебе не грозит.

18.07

Байдара сложно построена. Наверное, очень дорогая. Она мне напомнила вскрытый корпус самолета. Сложный остов из деревянных ребер, обтянутый моржовыми шкурами. Длиной метров десять. Ажурные крепежи для паруса и весел, какие-то конструкции, похожие на часть велосипедного колеса. Даже

костяной наконечник гарпуна состоит из нескольких частей: последняя подобна прикрепленному бумерангу, складывается или крутится. Шаман ходил вокруг байдары и что-то обсуждал с эвелнами, однако ТТХ^[15], так похоже их обсуждение на армейскую картинку.

— Как они передают опыт?

— В смысле?

— Ну, они не умеют считать, нет чертежей. Как строят такие байдары?

— Решают построить и строят, глядя на другие байдары.

— То есть даже мастеров специальных нет?

— Главное — не умение, а

целеполагание.

— Это, наверное, специфика их культуры?

— Любой культуры.

— Ну, у нас судна не построишь на одном намерении.

— Кто Кузьма^[16] по образованию?

— по-моему, бывший артиллерист.

— А Вовчик?^[17]

— Радиоинженер.

— А Генка?

— Понял. Среди них нет ни одного судостроителя.

— А как они построили свое судно?

— Сам видел. Резали

заброшенный флот и варили свое прямо на песке.

— Хорошее?

— Сносное, наверное, хорошее.

— Не лукавь. Судно отличное.

Лучше заводских. *Раньше их называли беспроектными, а сейчас рыбнадзор и пограницы называют беспредельными из-за ходовых и штурмовых качеств.* Ну и как они его сделали?

— Действительно. Не задумывался.

— **Говорю тебе: у них была цель, и они начали действовать. Остальное — приложилось.**

— Эвелны в городе слабы, потому что не имеют цели?

— Да. Пока меняют —
покупают, хорошо держатся. А потом
начинают болтаться без цели...

1977-1978

Армия. Проблема Волка

В армию попал, когда выгнали с третьего курса физического факультета МГУ. Призывался из Раменского военкомата Москвы и в часть приехал с московской командой. С нами прибыла команда из Челябинской области. Рота (сто двадцать человек) жила в одном помещении без перегородок: ряды двухъярусных коек, тумбочки (одна на двоих), помеченные табуретки, плакаты, таблицы и расписания на стенах. В одном из углов стоял черно-белый телевизор. Передачи

мало кто смотрел, мест не хватало только тогда, когда показывали первые в те времена женские группы аэробики.

В казарме невозможно скрыть что-либо. Вместе ели, спали, мылись, работали... Уже через пару недель абсолютно ясно, какой ты есть. За эти две недели ко мне и прилепилась на весь первый год кличка Волк (магаданский).

Ничем не выделялся в рядовых ситуациях, но в конфликтных, как оказалось, вел себя необычно. «Проверки» и «притирки» начались с первого же дня. Все молоды, здоровы, считают себя крутыми и жаждут это продемонстрировать.

Кроме прямых «наездов», когда ты мобилизуешься, существуют тысячи мелочей, к которым никто не может быть готов заранее: подмена ремня, пилотки, сапог на худшие, конкуренция за лучшие койки и места, нарушения очереди в умывальник или за утюгом — можно долго перечислять. В этих ситуациях или агрессивно требуешь свое, или молча уступаешь. Уступать часто нельзя — это снижает статус, но и долго агрессивно-эмоционально с матюгами переругиваться (мы называли это — «лаяться») я тоже не хотел и не умел.

Негромкие требования и молчание в ответ на ругань многие

вначале принимали за трусость и наглели. Не отвечать на оскорбления тем более нельзя. Я слушал ругань, которая «не заводила», и наблюдал за окружающими. Когда по реакциям окружающих понимал, что дальше терпеть не принято, молча бил в лицо. Такое поведение удивляло и даже возмущало. Следует сказать, что я быстро понял необходимость научиться ругаться, но в те годы не сумел, не хватило волевых качеств. Если бы мог, драк было бы гораздо меньше.

Кличка напомнила о благодарности Волка, и в других конфликтных ситуациях в казарме я стал использовать «настроение

Волка на охоте»: старался выбрать лидера и, глядя ему в глаза, медленно подходил ближе. Если он отводил глаза, ситуация решалась в мою пользу, если нет... В половине случаев противники, наоборот, приходили в большую ярость. Так было в конфликте с группой старослужащих, памятный знак которого — кривовато сросшийся нос — остался до сих пор. Но, пока был в сознании, не боялся, действовал расчетливо и, по рассказам друзей, эффективно.

Нежелание реагировать на вербальную агрессию затрудняет жизнь и сегодня. Годы давно не те, чтобы драться, и не принято в

университете. Бывает, что слышу претензии или обвинения, кажущиеся настолько нелепыми, что не считаю нужным отвечать. Изредка, каждый раз с удивлением, слышу потом от присутствующих: «Ты не оправдывался и сам не обвинил в ответ. Значит виноват или испугался». Сразу вспоминается казарма и наглеющие из-за молчания сослуживцы. Сейчас, конечно, могу отвечать и вербально, но делаю это редко. Как трудный, нудный, но необходимый ритуал.

Волк не считает лай нападением. Для него это просто странные звуки, которые мешают самим же собакам жить

содержательно — охотиться.
Нормальный Волк, услышав лай,
молча уходит на свою
содержательную территорию. Но
иногда собаки слишком раздражают.
Тогда Волк молча возвращается через
несколько суток. Собаки
удивляются — за что? Со своим лаем
они это никак не связывают.

1998, 1999, 2002

Лечение

29.01.1998

Возможно, что моих записей хватило бы на издание книги вроде «Рецепты от Шамана», но сам я не пользовался этими рецептами. В эту публикацию практические советы без изменений включены лишь, если они попали в один день с важным диалогом.

— Как ты готовишь этот папоротник^[18]?

— Солил.

— Как?

— Слой папоротника, слой соли, сверху пресс, чтобы он дал сок. Через неделю сок сливаешь, ворошишь папоротник и заливаешь рассолом.

— Сколько соли?

— Пока не перестанет растворяться.

29.01.1998

С годами выяснилось, что круг общения Шамана неожиданно широк. Сегодня я бы даже сказал, что, живя на берегу, Шаман общается со всеми окружающими его людьми.

Некоторые виделись с Шаманом лишь раз как больные или ухаживающие за больными, другие общаются редко, но регулярно. Ни эти люди, ни Шаман не находят в таком общении ничего удивительного.

— Где ты вообще берешь соль, крупу?

— Кузьма привозит.

— Почему он это делает?

— Почему ты приносишь мне вещи?

— Они не нужны нам в городе.

— Но ты долго несешь их на себе. А патроны, горелка?

— Это подарки.

— Почему ты это делаешь?

— Я хорошо к тебе отношусь.

— И они хорошо относятся. Я лечу их и подсказываю, где, сколько можно взять. Это — не плата, а отношения. Еще Кузьма считает меня колдуном.

— Тебе нравится, что тебя называют Шаманом?

— *Хоть горшком назови...*

09.03.1998

В чем никак нельзя заподозрить Шамана, так в сентиментальности. Он запросто мог поговорить с куропаткой и, окончив разговор, пообедать ею же. Раз я сказал ему,

что предпочитаю охоту без общения, но Шаман лишь пожал плечами и напомнил о разведении кур и коров. И вдруг на окошке его хижины я увидел веточки в банке.

— В первый раз вижу среди тайги веточки на окне. Зачем?

— Зимы еще много. Часто нужны активные вещества

— Как ты их добываешь из веточек?

— Это — ольха. Суточного урожая пыльцы с семи сережек хватает на лекарство взрослому.

— Ты ешь эту пыльцу?

— Эта — горькая. И слишком сильна. Лес и так полон лекарств и витаминов. Зимой можно жевать

стланик, почки березы, ольхи или шишечки. Пыльца — для мазей и смесей при лечении.

— Ты прочел это в книгах?

— *Ни в одной книге не сказано о*

круглогодичном сотрудничестве с растениями. Для этого нужно долго прожить с ними.

09.03.1998

Наверное, Шаман — единственный «лечащий врач» на сотни километров. Он не может ни с кем консультироваться, у него нет медицинских книг и стандартных лекарств. Но он всегда действует так,

будто точно знает, что делать.

— Ты лечишь все болезни?

— Только те, которые преодолел сам.

— Но говорят, что ты лечишь многие болезни.

— Болезней не так много, много вариаций.

12.12.2002

Странные для Колымы осень и зима. Стабильно стоит уже больше месяца 25–30 градусов мороза, но снега нет. Выпадал немножко в начале октября, почти весь раздуло. Холодно, пыль. Явные

климатические аномалии. Травы и ягоды хрустят под ногами как стеклянные. На редких снежных застругах переплетение медвежьих, волчьих, лисьих, заячьих, мышиных и птичьих следов. В декабре на Колыме звери не спят и не сидят в норах! Как бы не померзли без снега. Тревожно.

Недалеко от прежней землянки Шамана поселился один из браконьеров. Бригада помогла ему сделать землянку. Оставили рыбу, крупу, соль, три ящика свечей и бочку солярки. Он ухитрился сжечь все за месяц. Свечами воздух в землянке нагревал, чтобы за дровами не ходить. Навещаю третий раз.

Медитировать он не умеет и учиться не хочет — другое воспитание. В результате говорит сам с собой и мне неимоверно «приседает на уши». В городе казался крутым. Не свихнулся бы.

Наверное, у него не хватает жиров в пище. В одном месте кожа на лице треснула, проступили фрагменты мимических мышц, как в анатомическом атласе. Храбрится, не хочет со мной идти в город. Принес ему сала, жирной колбасы, майонеза и растительного масла. Знаю, что все съест быстро, вместо того, чтобы растянуть на зиму. Перезимует с моей помощью до прихода бригады и больше не захочет так жить.

Шаман бы не стал помогать. Во сне общался с ним [\[19\]](#).

— Почему не помочь?

— У него низкий уровень культуры. Быстро превратится в иждивенца.

— Но он живет трудно. Набрал кубометр мидий и стог морской капусты на зиму. Жиров нет.

— Нужно, чтобы он не ждал твоей помощи, а боролся.

— Если я принесу ему мешок мороженных кур, он бороться не будет?

— Скорее всего, тогда замерзнет.

— Почему?

— Или он будет бороться за жизнь каждый день, или не сможет.

— «Куры» помешают бороться?

— Должна быть **стабильность борьбы**. «Куры» позволят временно не бороться, как свечи и солярка. Из за них он чуть не замерз, так как сразу не приобрел привычку запасать дрова. Вспомни судьбу ушедших коренных народов: они прекрасно жили до того, как к ним пришла «помощь» западной цивилизации.

— Но он сам из западной цивилизации.

— Это — Колыма. Он мог бы частично выживать где-нибудь в обильной сибирской тайге или в тамбовском остаточном лесу. Здесь частично не получится. Или он полностью задействует все свои

ресурсы в борьбе за жизнь, или сдохнет.

— Ох и суров ты. Вообще не нужно помогать?

— Наоборот: хочу, чтобы он имел шанс. Можешь давать гостинцы. Но немного и несистематично. Чтобы он на них не рассчитывал. Пусть рассчитывает только на себя.

09.03.1999

Шаман не стремится ничего скрывать, но говорит со мной медленно подбирая слова. Это напоминает мне мои объяснения сложных концепций студентам, не

владеющим терминологией. Я прекрасно знаю, что ограничения опыта не дают объяснить многое, даже при владении языком. Как объяснить семилетнему про любовь, например? Просто говоришь знакомые для него слова, которые так и остаются словами.

— Почему ты не пьешь чай?

— Пью, когда захочу.

— При мне не пил ни разу.

— Я пью кипяток и отвары.

— Откуда ты знаешь о травах?

— Из книг, из жизни.

— А как ты составляешь новые отвары?

— Чувствую, что надо делать. Иногда мне снятся составы. После

этого я просто знаю.

— Но как ты делаешь отвары для больных?

— Они болеют тем, чем я уже болел, и я знаю, что нужно.

10.03

Присматриваясь к лечебным процедурам, я следил и за состоянием Шамана, предполагая, что он как-то влияет на больных. Ничего необычного в его внешности не было, но после лечения он, примерно в четверти случаев, был сосредоточен и даже грустен.

— Что заботит тебя после

процедур?

— Не заботит, напоминает.

— Что?

— О том, как начал лечить.

— Можешь рассказать?

— Встретил однажды в городе знакомую по юности. Когда-то она была слишком красива, я а слишком застенчив. И не подходил к ней. При встрече ей было сорок, она выглядела плохо и была тяжело больна. Ночью проснулся, вспомнил про нее и вдруг понял, как полечить на расстоянии.

— Вылечил?

— Облегчил.

— Ты знал, где она находилась в тот момент?

— Не имеет значения.

— Зачем тогда больных привозят к тебе?

— Можно и без этого. Кто-то может рассказать, что-то показать. Но гораздо увереннее и лучше, когда вижу.

— Почему ты вдруг понял, как ее лечить?

— Очень сердечно пообщались. Воспоминание было тоже очень «сердечным», и очень хотел помочь.

10.03

Предполагая, что описания Шамана помогут понять его «методики» лечения, я иногда

расспрашивал его о больных.

— Из города кто-нибудь приходил лечиться?

— Мало. Когда совсем прижмет.

— Расскажи что-нибудь.

— Был мужик. У него не стоял.

— Таких полно в городах. Они же не дойдут сюда.

— Его жизнь стала невозможной.

— Странно. Живут же люди.

— Естественно, что у него не было ни жены, ни детей.

— Тоже у многих.

— Он бодрился и показывал окружающим, что у него все хорошо. Умно, к месту рассказывал кое-что о своих сексуальных отношениях,

которых на самом деле не было.

— И это многие могут.

— К сорока он убедил окружающих, что у него все в порядке. Тогда они решили, что он страшный эгоист и умышленно живет только для себя. Постепенно все значимые для него люди дистанцировались.

— Да, *довыдывался*.

— Он узнал про меня от браконьеров и приперся посреди зимы, не зная дороги.

— Ты лечил его?

— Старательнее обычного.

— Почему?

— Когда-то я сам ушел в горы Восточно-Сибирского плоскогорья в

демисезонном пальто и в городских туфельках.

— У тебя же были дети.

— Для них и ушел.

— Наслышан про такое. Удалось вылечить мужика?

— Он сам. *Ему уже был конец*, когда он приполз. Все его болезни и паразиты уже отчаялись и бросили его к тому моменту. Практически, вместе с излечением обморожений он начинал абсолютно новую жизнь.

— А потенция?

— Весной это был другой человек с другими возможностями. Потенция высокая.

— Женился, дети, друзья?

— К старым друзьям он не

вернулся. Дети, наверное. Дети растят нас и заставляют решать жизненные проблемы. Ты еще услышишь о нем. Это — неординарный человек, предназначенный.

— Я узнаю в нем твоего больного?

— *Это вряд ли.*

09.05

Шаман предложил мне забрать несколько килограммов красной икры для родственников. Раньше он не говорил о хозяйстве, но я предполагал, что, живя в столь

суровых местах, Шаман ведет жестокую борьбу за существование. Это предположение заставляло меня захватывать лишние продукты и не налегать на угощения Шамана. Сегодня выяснилось, что мои предположения неверны. Наоборот, Шаман, думает, что он живет в хороших условиях, а я в городе тяну с большим напряжением.

— В городе прожить легче. Оставь икру себе.

— Скоро будет новая. Хорошо бы, вы съели эту до июля. В городе потруднее прожить.

— У тебя так много икры?

— Солю одну бочку в путину [\[20\]](#).

Если разделить на все дни года —

около ста пятидесяти грамм на день.
Ни один человек столько не съест.

— Что ты еще заготавливаешь на зиму?

— Бочку грибов, пару бочек лосося, бочку разнорыбицы, парутройку банок краба, бочонок брусники морожу, по банке рябины, голубики, потом папоротник, морская капуста, шишка, шикша, красный корень, черемша, дикий лук... Глянь в леднике.

— Теперь понял, почему ты не взял витамины. А тогда подумал, что из-за щепетильности насчет химии.

— С витаминами здесь получше.

— Килограммы ценнейших продуктов на день! Зачем Кузьма тебе

привозит крупу, картошку? Зачем мы охотились?

— Крупы, картошка, хлеб — углеводы. Охотимся редко, это — практика.

— Значит тебе не нужны продукты, которые я приношу?

— Разнообразие радует. Апельсин, лимон, томаты, киви эти интересны. А консервы или концентраты...

— И сколько времени у тебя уходит, чтобы кормиться год?

— Если считать рабочий день по пятнадцать часов, то дней десять-двенадцать.

— Десять дней кормят год?

— Говорю же, в городе жить

потруднее. Зря ты пренебрегаешь добычей.

— Теперь призадумаюсь. Почему так?

— В городе ты должен покупать родне и себе то, что не нужно для жизни: модные вещи, технику, мебель, напитки, подарки... Всего не перечесать. Здесь ты свободен от этого.

— Но это нужные вещи. Отношения, уровень, престиж, наконец.

— Тебе пока лучше жить и практиковать в городе.

Солнечные склоны в крутых распадках уже хорошо прогреваются днем. Появились проталины. На них сухо, так как вода моментально стекает с крутого склона. Высокая, желтая с осени трава и множество кустиков с прошлогодней брусникой. Я так увлекся брусникой, что подскочил на месте, когда молчавший неподвижный Шаман вдруг спросил:

— Что ты говорил о «жестокой борьбе за существование»?

— Ну, в столь суровых условиях нужно бороться за выживание.

— Имей в виду: как только начнешь бороться — это первый шаг к смерти.

— А не бороться, так сразу замерзать?

— Не бороться и не замерзать. Просто действовать в гармонии с окружающим миром.

— Как?

— Не противопоставлять себя Природе, даже не думать об этом. Природа всегда тебя победит.

— Но без напряжения сил не обойтись.

— Обойтись. Старайся делать то, что нужно, «по течению» дня, часа, мига.

— Но как?

— Начни, старайся чувствовать и поймешь.

16.06.1998

Наблюдая за общением Шамана с больными, я обратил внимание на «привязку» его действий к приливам и отливам, фазам Луны или Солнца, ветрам, камням, растениям, животным и рыбам. Предполагая, что Шаман использует какие-то местные потоки энергии и существ, я решил, что умения Шамана должны быть не универсальными, а «местными».

— Ты мог бы лечить, например, жителя Украины?

— Не сразу. Надо пожить там, почувствовать воздух, воду, ритмы.

— Но врач лечит в любом месте.

— Я учился в Хабаровске и работал участковым. Медицина в кризисе.

— Что ты имеешь в виду?

— Сегодня врач - не целитель.

— А ты — целитель?

— Я не вмешиваюсь, если меня не просят. И я лечу не болезнь, а человека с его миром.

— Любой может лечить, если научится?

— Нет. Больной должен верить целителю.

— Что-нибудь, кроме сложившейся репутации, влияет на доверие больного.

— Репутация мало что значит. Главное — **сила действий.**

— Что это?

— Целитель должен быть уверен в том, что он делает.

— Откуда больной знает об уверенности целителя?

— Местные — стихийные герменевты, они сразу это чувствуют и не будут лечиться, если целитель не уверен. Да и ты можешь чувствовать.

— Мне говорили, что ты пляшешь с бубном и камлаешь.

— Довольно часто. Бубен, наверное, войдет в арсенал врачей будущего.

— Для чего?

— Большинство болезней присходит из-за рассинхронизации

человека с его миром. Танец и песни с бубном помогают человеку снова синхронизироваться.

— Никогда такого не слышал. А как же вирусы, бактерии?

— Вирусы, бактерии, психосоматика — материальные проявления потери гармонии с миром.

— Но как бубен вводит человека в гармонию?

— На твоём профессиональном сленге это называлось бы вроде «настройка динамического стереотипа».

20.07.1999

Шаман уверенно смешивает из своих заготовок, минералов, свежих растений, насекомых, морской и земной живности лекарства от болезней. Сотни, а может быть, и тысячи составов, которые никогда не повторяются.

— Откуда ты знаешь, что, то или иное вещество является лекарством?

— Все является лекарством или ядом в зависимости от дозы.

— Ну да, и водка?

— В малых дозах, начиная с капель и притинок, водкой можно многое лечить. В больших — сам знаешь.

— А откуда ты знаешь, что и как лечить ольхой, а что и как

стлаником?

— Они сказали мне.

— Что-то мне они ничего не говорили.

— Твое сознание забито суетой. В этом состоянии ты не можешь ни спросить растение, ни услышать его.

— Как-то я могу начать практиковать с растениями?

— Береза может поделиться с тобой энергией, а ольха или осина — забрать часть плохой энергии. Но не увлекайся. Они могут забирать и нужную тебе энергию.

— А почему ты все время делаешь разные лекарства?

— Принципиально разных немного. Но одинаковыми они быть

не могут.

— Почему?

— Чудак-человек. Я же лечу разных людей, в разные дни, при разной погоде, Луне, море...

20.07

Изрезанная береговая линия и сопки создают множество небольших водоразделов, по каждому из которых стекают ручьи. Шаман ходит с котелком и кружкой от ручья к ручью, пробует воду на вкус, глядит на свет. Я тоже пробовал. На вкус вода чуть-чуть различается, но определяешь это не сразу, лишь на

третий-четвертый после прихода из города. Шаман говорит, что за четыре дня меняется заметное для самого человека количество воды и солей в организме. И сам знаю: первые три дня в городе замечаешь, что вода в кране из застойного водохранилища, хлорирована и проходит по ржавым трубам. Потом перестаешь замечать.

Когда привыкнешь к чистым горным ручьям, если сосредоточиться, замечаешь, что в одном ручье вода чуть горчит, в другом чуть-чуть щиплет, в третьем — необыкновенно вкусная. Это объясняется разным солнечным, лунным и звездным режимами ледников и ручьев, разным составом

торфяных болотец на вершинных плато и минеральным составом горных толщ, через которые вода с ледников и болотец фильтруется.

«Вкусную» воду мы используем для чая или ухи, другие Шаман использует для своих снадобий.

— Какое значение имеет вода для лекарств?

— Вода совместима с травами и с человеком. Например, стараюсь делать отвары и настойки на той воде, на которой растение и выросло.

— Что это дает?

— Так лучше восстанавливаются свойства растения. Как кровь вливать — своя лучше донорской.

— Так просто. Почему

официальная медицина это не использует?

— Использует частично. Сам прописывал больным разные минеральные.

— А для трав в аптеках?

— Где, кто, как, когда собирал эти травы? Может даже травы мучились при этом.

— Но горожанин не может сам собирать.

— Тогда лучше талую. Она во немножко похожа похожа на весеннюю.

— А как сделать, чтобы травы не мучились при сборе и сушке.

— Нужны специальные говоры.

— Научи меня.

— Не запомнишь без долгой практики. Пока просто проси прощения, объясняй, что не все выкашиваешь, и что-для чего нужно. Обязательно оставляй достаточно травы на развод и выполняй обещанное.

— Как влияет выполнение обещаний?

— Иначе травы, горы, море и все-все сделают тебе «предъяву». (Шаман улыбнулся, но улыбка относилась только к термину).

1986

Детдом. Благодарность Волка

На втором году аспирантуры устроился на лето воспитателем в подмосковный детский дом. Заведующий очень мне обрадовался, предложил еще полставки завуча и полставки завхоза. Я устраивался работать не со скуки, деньги были нужны, поэтому согласился.

Через две недели заведующий увез всех младших на юг, а детдом со старшими остался на мне. Подчинены мне были две сменные уборщицы-технички, приходящий

повар и один воспитатель-пофигист и выпивоха Изотыч. Старших (перешедших в десятый класс) было девятнадцать парней и двенадцать девушек. Весь день уходил на организацию питания—купания—стирок—уборок. Продукты вовремя не подвозились, холодильники отключались, сантехника ломалась, парни выпивали-курили и пытались тискать девушек, девушки уходили гулять поздно вечером, и тех же парней приходилось посылать на поиски. Изотыч обеспечивал порядок только возле себя, технички ни во что не вмешивались, а за поваром самим глаз был нужен. Над воспитательными проблемами

задумался лишь к концу первого месяца. Горестно стало.

Никто из моих старших не умел ни стирать за собой, ни готовить, ни еду купить. Всю жизнь их государство обеспечивало. Видел я их траекторию через год — подъемные потрачены (тратить не умеют), навыков самообслуживания нет, родни нет. Девушки по рукам пойдут, ребят или армия спасет, или сума-тюрьма. Надо учить всему. Изотыч согласился, воодушевился и... ушел в запой.

Дети меня выслушали, согласились, но уже на второй-третий день стали возмущаться. С покупками проблем не было. Но

стирать-готовить они не обязаны, душевые-туалеты мыть — унижение и насилие над личностью. Пришлось действовать сержантскими методами. Девушки не могут долго в грязном ходить и белье не менять — начали стираться. А парни — наотрез. кое-кого, правда, девушки обстирывали-обшивали.

Продежурили по несколько раз все. С конфликтами. Сразу научились в умывальнике озер не разводить и, извиняюсь, в унитаэ попадать. Цены знали, а главное — понимать стали, как ориентироваться. Вначале носки с мыльными пузырями на веревку вешали — не знали, что надо полоскать. Теперь все владели

навыками самообслуживания. Когда рассказал и показал все, заведующий — мужик грубоватый (а иначе хозяйство не вытянешь) обнимал и по спине хлопал, некоторые воспитательницы прослезились — сумели оценить. И сам видел, что много дал детям за летние месяцы, но — по-сержантски. По-другому ни сил, ни времени не хватало. Невзлюбили меня многие из детей, слишком часто заставлял их.

В сентябре уходил с чемоданом к электричке, говорил себе: «Не оглядывайся». Оглянулся. Старшие мне в окна швабрами, носками и крышками от унитазов машут. Понял,

что никогда не забуду. Зашел в лесок, сел и завывать захотелось. Но не вылось.

Вспомнил Волка. Почему не воется? Тут же и ответ пришел — волк ни на кого не обижается. Прошла обида, пришло понимание — ах-ах, не поняли, не оценили. Тьфу! Получается, я для благодарности все это делал? Самому стыдно стало. Растянулся, руки за голову, хотя знаю, что это не северный безопасный лес, здесь и гадюки водятся, и клещи всякие, посмеялся и уснул. В Москву приехал — к детям только теплые чувства. Больше тысячи рублей^[21] с собой привез, за лето ни копейки не

потратил, некогда было. И покати́лся
следующий аспирантский год.

Сейчас они своих воспитывают,
может, по-другому меня вспоминают.

1998–2000

Старость. Долголетие. Время

03.01

В некоторых рассказах Шамана временная последовательность событий нарушена. Например, муравьи начинают жить и действовать в его землянке [\[22\]](#) еще до того, как он ее построил. Мои замечания не смущают Шамана, он игнорирует их, или они его смешат. Он считает, что его рассказы вполне правильны, а моя концепция времени

примитивна.

— Как это понимать: «обратная временная реакция»?

— Твоя наука [\[23\]](#) еще до этого не дошла.

— Может ты объяснишь мне?

— Время окружает человека, как твои руки паука.

— Не понимаю.

— Люди думают, что сегодня они реагируют на вчерашнее.

— Правильно.

— Наполовину. Половина их реакций — на завтрашние события.

— Но человек не знает, что будет завтра.

— Умом не знает, а реакциями знает.

— То есть завтрашний день
предопределен?

— Нет. Просто время окружает
тебя сзади и спереди, справа и слева.

— Не понимаю. Я что, могу
болеть сегодня от того, что съем
завтра?

— *Это — вряд ли.* Редко. Тело
не так чувствительно, как эмоции.
Но ты можешь печалиться сегодня
из-за завтрашних событий.

— Человек может чувствовать
будущее?

— Чувства не подчинены
социальному календарю.

— Не понимаю.

— Ты можешь годами не
стареть: календарное время идет, а

время чувств — нет. Ты можешь постареть на годы за дни: время чувств будет обгонять календарное время. И ты можешь помолодеть, если время чувств идет назад, хотя календарь идет вперед.

— Но где логика?

— Если ты поймешь, что время кружится, то это очевидно.

— Как время кружится?

— Как метель.

— Ты все это всерьез?

— Говорю же, ваша наука [\[24\]](#) еще до этого не дошла.

— А откуда ты узнал?

— От тех существ, которые, по-твоему, не существуют.

— Человек может как-то

повернуть свое время назад,
помолодеть?

— Существует практика, но она тебе недоступна сегодня.

— Что за практика?

— Нужно глазами повернуть назад весь калейдоскоп восприятия.

— Но человек не может помнить все воспринятое.

— Нужно не поворачивать воспринятое как видеозапись, а повернуть игру света. Тогда некоторый период твое время будет идти назад, а опыт сохраняться.

— Не понимаю, о чем ты.

— Говорю же, тебе эта практика сегодня недоступна. Ты не имеешь соответствующей концепции.

— Ты можешь мне рассказать эту концепцию?

— Нет. У тебя не хватает освоенных практик.

— Почему без практик я не могу понимать новых концепций?

— Некоторые можешь. Но в этом случае слишком большой разрыв. Концепция практики — это ее часть. Ты не можешь начать строить дом с крыши.

04.01

Подкладывая ветки в костер, я обратил внимание на одно из действий готовившего «стол»

Шамана. Он вынул из пакета вареное куриное яйцо, превратившееся на сорокаградусном морозе в ледышку, и, почти не глядя, одним ударом ножа расколол его на две равные части. Усевшись, я попытался расколоть пару яиц своим более тяжелым ножом, потом еще тройку ножом Шамана. Ни одно яйцо мне не удалось расколоть ровно и без крошки. Это навело на мысли о какой-то особой сноровке Шамана.

— Ты часто раскалывал так яйца?

— Не припомню. Да ты и не часто их приносишь.

— А как ты научился их так ровно раскалывать?

— Не учился. *Придет же такое в голову.*

— Но как ты их колешь?

— Смотри. (Шаман небрежно ударил моим ножом уже не поперек, а вдоль по последнему целому яйцу, которое раскололось на две равные половинки.)

— В чем секрет?

— **У нас разные действия.**

— В чем разница?

— **Когда действую я, я действую целиком. А ты — частями.**

— Какими частями?

— Например, одна часть тебя не уверена, что ты справишься с яйцом, другая думает, что и колотые яйца на

морозе не пропадут, третья — вообще в Магадане с проблемами твоих собственных яиц.

— Но мои действия могут быть более комплексными, чем твои ситуативные.

— Твои действия могут быть только более размазанными. Например, вместо точного удара по яйцу ты истерично ударяешь по пальцам. Такая размазня делает человека немощным и старым.

— Что мне делать, чтобы научиться действовать как ты?

— Не имеет значения. Можешь, например, колоть яйца. Главное: когда колешь яйца — коли яйца, а не лови ворон.

— Но как?

— Начни это.

08.03

Иногда Шаман резко отказывается обсуждать, казалось бы безобидные темы, как это было, например, с моим вопросом о комнатных растениях. Зато другие темы, которых многие люди избегали бы, Шаман может спокойно и подробно обговаривать.

— Ты не думал жениться?

— Ты не сможешь понять. Мои дети и внуки выросли, а подруги умерли. Но в жизни есть этапы

развития, которые мужчины и женщины не могут пройти в одиночку.

— В целом ряде учений говорится о преимуществах жизни без партнеров.

— *Почему, по-твоему*, на Земле создано примерно одинаковое количество мужчин и женщин?

— Не знаю. Почему?

— В старых легендах говорится, что мужчина и женщина — только половинки полноценного человека.

— Ты считаешь, что это правда?

— Правда, что мужчины и женщины во многих парах не являются отдельными людьми, а частями парной системы.

— Как это?

— Как младенец не является самостоятельным существом, а живет лишь в системе с мамой.

— Как складывается такая система «мужчина-женщина»?

— Годами из тысяч привычек. Например, если она забывает закрывать двери — он приучается проверять, он не может торговаться на рынке — она обучается этому...

— Обязательно нужно побыть в системе?

— Кто не был частью системы, не сможет быть цельным и один.

— Почему?

— Просто он не знает, как развивать себя до целого.

— Но ты сам живешь один?

— В городах я живу как горожанин, в землянках — как отшельник. Ты поймешь после шестидесяти, если будешь здоров и силен.

— А я буду здоров и силен?

— *Это — вряд ли.*

— Что мне делать, чтобы быть здоровым?

— Первое — не делай излишнего.

09.03

Всегда знал, что Шаману очень много лет, но не заговаривал об этом,

считая почему-то, что он не будет обсуждать вопрос о долголетию. После вчерашнего разговора я вдруг понял, что Шаман не видит в этом никакой тайны, которую нужно скрывать, и единственным препятствием к знанию может стать лишь наша деятельностьная относительность.

— Все-таки, что второе?

— Нужно, чтобы была энергия жизни.

— Где ее взять?

— Взаимная, сильная любовь.

— Елена Гарро?

— Что это?

— Мексиканская писательница^[25]. Она писала, что

время и любовь — одно и то же. Еще потом об этом писал Лазарев^[26].

— *Писатели* — (*непередаваемый синонимами* *трехкоренной рифмованный курсив*). Может, в этом и есть смысл. Но я говорю о мужестве жить.

— То есть люди, которые не любили взаимно, не смогут жить долго?

— Если они не пережили взаимной любви, у них не будет мужества нагонять волну своей жизни.

— Достаточно такого мужества?

— Его достаточно, чтобы учиться.

— Всем надо рекомендовать

любовь?

— Любовь нельзя рекомендовать. Многие инстинктивно избегают любви, потому что она их покалечит или убьет.

— То есть мужество есть еще до любви?

— Ты же учился больше двадцати лет, прожил полжизни в Москве. Ты забрался *холодной зимой в это место*, чтобы спрашивать меня о любви? (Смеется.)

— *А зачем еще стоило сюда забираться?* (Смеемся оба.)

— Это — как в твоей науке о способностях. Задатки мужества и игры есть, но развиваться они могут

ТОЛЬКО В ЛЮБВИ.

— Кто учит нагонять волну своей жизни?

— Человек учится сам.

— С чего начинать?

— Добейся чего-нибудь в жизни и откажись от этого.

— Начинать с асоциальности?

— Асоциальны те, кто не любил и не может ничего добиться. Беглецы от общества. Какое мужество у беглеца?

— Нужно сделать карьеру, добиться признания?

— Не обязательно. Но чтобы твердо знать, что ты — не беглец от общества, желательно.

— Но потом практически

НЕВОЗМОЖНО ОТКАЗАТЬСЯ.

— Еще невозможнее, чем ты думаешь. Нужно отказаться еще и от себя, добившегося успеха.

— Как же жить, отказавшись от себя?

— Не от себя, а от надувшегося от успехов. Только тогда ты и будешь сам, истинный.

— Другого пути нет?

— Если ты не откажешься, то будешь очень социальным. И не позволишь себе нарушать социальное правило о сроках жизни.

После обеда Шаман разгонял пургу^[27], чтобы я мог выбраться к дороге и вернуться в город к началу занятий в университете. Он долго ходил с бубном вокруг землянки, ритмично завывая в тональности пурги. Иногда я не мог отличить звуки пурги от его голоса, иногда голос Шамана звучал ниже или выше, но тональность все время была близка к тональности звуков пурги. Шаман натоптал след вокруг землянки с одним радиальным лучом на восток. Когда, наконец, Шаман закончил установку завтрашней погоды, я продолжил свои расспросы.

— Этого достаточно для

долголетия?

— Нет.

— Много еще условий?

— Нужно жить по сердцу.

— А еще?

— Нужно творить свою жизнь.

— Не понимаю.

— Начни с того, что в твоей жизни должно быть творчество.

— Стихи, картины, танцы, наука?

— Можно начать с чего-нибудь из этого.

09.03

Разговаривая о долголетию, я

стал спрашивать об употреблении мумиё, мёда и других веществ. Шаман сказал, что мумиё он иногда встречает, но здесь его крайне мало. Мёда за короткое колымское лето пчелы собирают столь мало, что сбор его быстро бы изжил сам себя — пчёлы умрут от голода.

Сам разговор про мумиё и мёд не очень интересен, но его развитие оказалось принципиально важным.

— Все же, наверное, не все есть в твоём рационе.

— Организм может вырабатывать почти все вещества. Нужно лишь заставить его.

— Как?

— Три вида активности:

эмоциональная, физическая и волевая.

— Не заметил у тебя поводов для эмоциональной активности?

— Ты не чувствуешь так, как я. И я не живу здесь постоянно. Нужны новые впечатления, чтобы заставить организм правильно работать.

— Если будет достаточно видов активности, человек будет здоров?

— Он почти не будет стареть.

— Почему?

— После пятидесяти ты поймешь, что молодой человек всегда в форме, а старый как бы собирает себя для жизни каждое утро. Правильная совокупность видов активности позволяет дольше

держат форму.

— После пятидесяти — нормальный средний срок?

— Средний у современного человека — после сорока. Но ты научился ходить зимой по тундре. Эта практика или отнимает у городского всё, или добавляет десять лет формы.

— Откуда ты знаешь?

— Я старел и старел, и если бы я не стал осваивать особые практики, меня давно бы не было.

— Как ты узнавал, что стареешь?

— Я жил в городе и отмечал всё, что наступает в последний раз.

— Как это?

— Например, последняя игра в футбол — годы больше не позволят играть. Последняя охота — возраст больше не позволяет охотиться. Последняя рюмка — здоровье не позволяет, последняя женщина — чтобы больше не пыжиться. Так современный человек дожидается последнего дня.

— Как ты переломил это?

— Мне повезло. Жизнь поставила в такие условия, в которых действительно нечего было терять. Я не выбирал это, и никто такого не выберет. А раз терять было нечего, я начал новые практики. Большинство людей умирают от этого, но единицы на десятки тысяч выживают. Думаю,

что подобных мне немало.

— Обязательно нужно все потерять?

— *Не спеши, все само придет с годами.*

— С чего ты начал новые практики?

— Я начал творчески относиться к своей жизни.

— Почему же большинство людей умирает от этого?

— Все действительно новые практики начинаются с кризиса.

— Это обязательно?

— Например, ребенок отлично ползает: быстро, точно, безопасно. Но вот встает на ноги и делает первые шаги: медленно, неточно, да

еще падет и расшибается.

— Понятно. То, что ты говорил про творчество, дает правильную эмоциональную активность.

— Да. Но я говорил не только про творчество. **Творчество помогает понять идею самого себя.**

02.05

За годы жизни на Колыме и Чукотке Шаман повидал очень многое. Думаю, что он был бы бесценной находкой для историков региона, если бы согласился сотрудничать. Сам Шаман исторические факты считает

несущественными, но, почти как закоренелый гегельянец, очень большое значение придает практикам. Можно было бы назвать его и марксистом, если бы он не был еще более внесоциален. Шаман знает очень много уже ушедших в прошлое способов деятельности, и иногда, если мне удастся задать вопросы, рассказывает о них.

— Черпнул лотком, а дальше?

— Он качает лоток круговыми движениями, и вода смывает легкие фракции.

— Но это — песок. А как они извлекают чистое золото?

— Катают ртуть.

— А из ртути?

— Испаряют ртуть.

— Как испаряют?

— Костер и сковородка.

— Это же ужасно вредно!

— *Всем, кто связался с золотом,*

конец.

— Почему? Есть же благополучные и защищенные золотопромышленники.

— Ты помнишь, как называется золото в таблице Менделеева?

— Aurum?

— Да, латинское название звучит близко к названиям в древнеиндийских языках. Золото влияет на ауру человека. Остальное — следствия измененной ауры.

— Человек может иметь прибыль, например, акционер, но не иметь дела непосредственно с золотом.

— Достаточно того, что он притягивает мысленный образ.

— В этих местах есть золото?

— Нет. С Дальстроя тут было, наверное, пять или шесть партий геологов.

— Ты мыл золото?

— Нет. Золото нужно тому, кто хочет жить в городе. Не само по себе.

— Что значит «не само по себе»?

— В городах нужно не золото, а его символы — деньги. Умнее охотиться за символами.

— Где ты возьмешь деньги, когда пойдешь в город?

— Ты займешь мне на месяц жизни?

— Да.

— В городах ничего не меняется кроме узоров на деньгах. За месяц я найду доходное дело.

— Знаешь, ты давно не был в городах. Сегодня миллионы неглупых современных людей ищут доходное дело. Жесткая конкуренция, и у них ничего не получается.

— Говорю тебе: в городах ничего не меняется. Твои миллионы только хотят, но ничего не делают, или с большей-меньшей активностью функционируют в уже сложившейся

системе. Любой неглупый человек, который будет что-то делать, будет иметь доход.

09.05

В 1998 я искал поводы для ее обсуждения темы долголетия. Чаще всего разговоры по моим «поводам» кончались практически мгновенно, и я долго не мог задать следующий вопрос.

— Ты не видел сериал «Горец»?

— Нет. Почему ты спросил?

— Там главный герой бессмертен. Он живет с девушками и совершает подвиги.

— *Это — подростковые мечты.*

Если бы кто-нибудь жил действительно долго, он бы не вмешивался в эту суету.

09.05

Чуть-чуть удачнее были прямые вопросы, но, к этому времени (или сразу?) Шаман понял мой интерес и, по своей вредной привычке развлекаться по любому поводу, подшучивал над ним.

— Сколько ты собираешься жить?

— Я готов умереть сегодня.

— Но если ты не умрешь,

сколько ты хочешь жить?

— Это зависит не только от меня. (Смеется.)

— Но настолько, насколько это зависит от тебя?

— Как и любой йог.

— Это мне непонятно.

— Столько, сколько намерен оставаться в этом теле. (Смеется.)

— Я не знаю йоги. Сколько ты хотел бы оставаться?

— Годы катятся, катятся, и они так похожи друг на друга, что я не знаю, сколько мне лет.

— Но ты можешь посчитать.

— Умом я знаю, сколько, но чувствую их как пять-семь.

Упоминание Шамана о его занятиях йогой позволило мне задать ряд вопросов, но разговор получился каким-то раздражающим, двусмысленным и пустым. Я хотел убрать его из этой публикации как ничего не значащий, но понял, что он значим, хотя эта значимость почему-то неприятна.

— Ты говорил, что ты — йог.

— Я — йог по-своему.

— Как это?

— Как в русских сказках Баба-йога и Кощей Бессмертный.
(Смеется.)

— Мои студенты дали бы еще

пару версий названия «Баба-Яга».

— Какие?

— Например, есть версия, что была группа племен «йага», или, что на одном из диалектов старославянского слово «яга» обозначает воина.

— Смотри-ка, век живи, век учись. Моя версия шуточная, и я больше говорю о Кощее.

— Ты думаешь, что были реальные прототипы?

— Конечно. Люди боялись их как всего непонятного.

— Их убили добры молодцы?

— Возможно, *какие-нибудь авантюристы тех времен.*

— Почему «Кощей» это

допустил?

— Мы не знаем точно, допустил ли.

— А злодеяния, похищения Василис?

— *Это — вряд ли.* Они могли бы все организовать без ссор.

— Они были влюблены?

— Хочется, чтобы сказка была красивой? Мы не узнаем.

— Ты не похож на Кощея, скорее — на какого-нибудь ветерана из боевика.

— *Прототип, возможно, был сухонький.* Да и жил не в приполярных горах. Ты видел худощавого моржа, нерпу, медведя?

— Скоро везде будут жить люди.

Куда уйдут Кощеи?

— Наверное, уже мимикрировали и живут в городах. С другой стороны, здесь места будет полно.

— Со временем эти края освоят.

— Не раньше, чем изменится климат.

— Почему ты так думаешь?

— Когда ты учился, еще изучали «Капитал» Маркса?

— Изучали, при чем здесь это?

— Ты, наверное, *плохо* учился.

Рубль, вложенный в развитие производства здесь, всегда даст меньше прибыли, чем рубль, вложенный в более мягком климате. Здесь больше затрат на энергию,

здания и содержание работника при равной производительности.

— Но здесь будут развиваться особые производства.

— Только заповедники. Все остальное *будет дорожке вложенных денег.*

— Не знаю, как спросить. Где твоя любимая женщина?

— Она со мной.

19.07

Сначала я думал, что здоровье Шамана во многом обусловлено его жизнью в экологически чистых условиях и натуральными, «без

химии» продуктами. Последующие наблюдения заставили в этом усомниться. Например, когда мы выпивали с браконьерами, Шаман не пропускал ни одной и закусывал со всеми даже весьма сомнительными консервами^[28]. В холодные дни он спал вместе со всеми в трюме возле чадающей «дэски»^[29], хотя я спать там не мог и предпочитал мерзнуть наверху.

— Ты засоряешь организм парами солярки.

— Организм сам очистится.

— Не лучше ли жить по-возможности в экологически чистых условиях.

— Лучше в меру.

— Экологическая чистота в меру?

— Человек не может вечно отгораживаться от мира. Мир все равно прорвется.

— Если будет развиваться экологическое сознание...

— *Чепуха.* Чтобы быть жизнеспособным, нужно приспособливаться к любой среде.

— И пусть все засоряется?

— **Нужно одновременно** и пытаться сохранять среду, и изменяться вместе с ней. **Любое** **одионое** **направление** **проигрышно.**

Оказывается, я долгое время не обращал внимание на часто произносимую Шаманом фразу «настало время». Настолько не замечал, что ее почти нет в моих записях. «Вдруг» сегодня эта фраза стала выпуклой, заметной. Стало понятно и то, что фраза эта и раньше произносилась в определенных ситуациях: «настало время сменить настои трав», «настало время изменить порядок лечения», «настало время прекратить лов»...

— Почему время идти по грибы «настало»?

— Все имеет свой ритм, надо

его чувствовать.

— Вчера мы не собрали бы грибов?

— Собрали бы меньше и с затруднениями.

— То есть результата все же можно добиться и не чувствуя ритма, если приложить больше энергии?

— Далеко не всегда.

— Почему?

— Помнишь задачку? Одна женщина может родить за девять месяцев. За какое время могут родить девять женщин?

— В жизни человека много ритмов, которые нельзя обойти?

— Много. Не знаю всех.

— Что будет при искусственном

ускорении этих ритмов?

— Простое разрушение. Многие люди так и разрушают сами свои дела, отношения, здоровье.

— Но социум часто заставляет человека ускоряться.

— Поэтому многие долгожители живут не в ритме социума.

— Человек стареет и разрушается от искусственного ускорения?

— Человек стареет оттого, что не изменяется вслед за изменением ритмов и отношений окружающего мира. Рассогласование ведет к дисгармонии, а она — к разрушению.

01.01.1999

Молчание Шамана и его многочасовое неподвижное сидение является особой практикой. Однажды во время такого сидения я провел ладонью перед открытыми глазами Шамана и убедился, что зрачки не дрогнули. Закончив сидение, Шаман сказал, чтобы я больше так не делал.

— Ты видел ладонь?

— Все твои действия.

— Почему не сказал сразу?

— Был занят важным делом.

— Всегда контролируешь ситуацию?

— Нет.

— Опасно?

— Полный контроль все равно

невозможен. Любой Леший имеет темп больше твоего.

02.01.1999

Шаман очень расчетлив, поэтому, практика, заставляющая его доверяться случаю, должна быть очень важна.

— Что ты делаешь в это время?

— Соответствую идее самого себя.

— Что за «идея себя»?

— Есть идея каждого человека: Иванова, Петрова, тебя, меня. И есть реальные воплощения: Иванов, Петров...

— И что?

— Чем больше реальные Иванов-Петров отличаются от своей идеи, тем больше они разрушаются.

— При чем здесь идеи?

— Идеи неразрушимы, они вне времени и пространства.

— Как это?

— Например, идея Платона о мире идей. Платона давно нет, а идея есть. Где она? Когда? В тебе, мне, в московском профессоре философии, в Платоне? Вне времени и вне пространства.

— Идеи Иванова-Петрова тоже вне времени и пространства?

— Конечно. Поэтому они неразрушимы.

— Человек может быть неразрушим, соответствуя своей идее?

— Этого не знаю. Но, конечно, такой человек намного дольше сохранит форму, чем обычный.

10.10.2000

Шаман уже несколько суток молча сидел за моим компьютером, отрываясь ненадолго поесть и поспать. Мы почти не говорили. Понимая Шамана, который встретился с компьютером впервые, я оформлял свои записи на кафедре. Зашнуровывая туфли, удивился,

услышав, что он что-то говорит.

— Встань.

— Ты мне или компьютеру?

— Тебе. (Шаман сидел не оборачиваясь, пальцы его неторопливо стучали по клавиатуре, продолжая развивать «Цивилизацию».).

— В каком смысле?

— Ты просил рассказывать тебе практики долголетия. Вот одна из них: обувайся стоя.

— Но мне удобнее сидя.

— Сейчас ты изредка садишься на табуретку, чтобы зашнуровать ботинки, через год у тебя будет специальная табуретка для этого, через два — еще и скамеечка рядом с

табуреткой, чтобы меньше наклоняться. К семидесяти ты вообще не сможешь обуваться самостоятельно.

— Согласен. (Я встал и обувался нагнувшись.) Но это не такая уж и практика долголетия.

— Именно тысяча таких мелочей и является практикой долголетия.

— Что-нибудь еще ты заметил в моей городской жизни?

— Да, ты ходишь медленно. Ходи быстрее среднего.

— А еще?

— Ты уже понял про эту практику.

— Почему ты мне не сказал об этих практиках год назад, когда я просил?

— Как мог сказать, не видя, как ты живешь в городе.

— Ну, про шнурки или что-нибудь такое можно было.

— Это было бы не знанием, а информацией, которую сразу забываешь. Знание-то, что сопровождается чувством узнавания, понимания, и что ты можешь применить. Тут у вас, кстати, больше ценят информацию, чем знание. Это ошибка.

1999, 2000

Ритмика

03.01

Анализируя записи, обратил внимание на аспект гармонизации человека с внешним миром. Шаман не раз указывал на это, когда рассказывал о смысле камлания с бубном, распорядках, неизвестных животных и характере действий человека. Угадывая за такими рассказами наличие концепции, я подготовил и запомнил список вопросов.

— У человека какой-то ограниченный ритм?

— Скорее набор или участок спектра ритмов, как участок цветового спектра.

— Чем это обусловлено?

— Телом.

— А ум, чувства?

— Представь себе механический манипулятор, который может двигаться с частотой пять раз в секунду. Он и должен получать не больше пяти команд в секунду. Если он получит десять противоположных команд, будет просто дрожать.

— У других животных другой ритм?

— Если другое тело.

— Возможно как-то ускорить обычный человеческий ритм?

— Без специальной практики ты просто разрушить себя.

— А замедлить?

— Можно, но в безопасном месте. Иначе, ты, например, попадешь под автомобиль или под движение ледника.

— Медитирующие йоги замедляют ритм?

— Я знал немного йогов. Похоже на то. Но не осознают, у них другое понимание.

— А время?

— Правильно чувствуешь. Твое время тоже замедлится.

— А остановить его можно.

— Принципиально, да. Но так ты можешь просидеть века Буддой, сфинксом, или *еще каким-нибудь чудом*. И попадешь под ледник или потоп.

— Научи меня замедляться.

— Пятый десяток, а все учителя ищешь. Одна маленькая практика тебе доступна сегодня.

02.01

До сих пор Шаман ничего мне не показывал. Я и не рассчитывал на это после завтрашнего разговора. Но я должен был спросить.

— Ты рассказывал про

ускорение. А сам можешь?

— Практиковал.

— Покажешь.

— Смотри. (Шаман исчез и в тот же момент похлопал меня по плечу сзади.).

— Я не ожидал. Ничего не заметил.

— Так и должно быть. (Шаман захохотал.). **Ты и не можешь заметить ничего вне своего спектра ритмов. Иногда лишь смутное мелькание в воздухе.**

— Ты мог стать чемпионом по боксу или каратэ!

— Хочешь стать чемпионом детсада?

— Мне трудно сравнить. Научи

меня.

— Нет. Твое тело недостаточно прочно.

— Научи готовить тело.

— Завтра покажу одну маленькую практику.

03.01.

Показанное Шаманом упражнение было набором скорее медленных и монотонных движений, чем быстрых и резких. Через полтора часа я устал и физически, и психологически — монотония доконала.

— Сколько мне делать такие

упражнения?

— Для укрепления тела хорошо бы, если бы ты мог продолжать их два-три дня без перерыва?

— И не спать?

— Без перерыва.

— Но человек не может столько работать и не спать.

— Не работать, жить в этих упражнениях. Если это удастся, спать тебе не понадобится. Только болевые ощущения в связках или мышцах смогут остановить тебя. Но в следующий раз ты сможешь дольше.

— Как это дает силу или скорость?

— Тебе рано. Осваивай ритмичные упражнения.

— Что это даст?

— Древний чукча убивал дикого оленя без стрел, ножом. Он просто долго бежал за ним, пока олень не падал. Человек не быстрее и не выносливее оленя. Он может быть более ритмичным.

— Как долго нужно было бежать?

— Это не имело значения. Имело значение состояние, похожее на транс, которое ты можешь понять с помощью упражнения.

— А без транса?

— Подвернешь или сломаешь ногу.

— Все так могли?

— Любой молодой охотник с

здоровыми ногами.

— Был какой-то ритуал, практика?

— Как у всех народов мира. Охотник просил прощения, понимая, что и его когда-то догонит судьба, и наносил смертельный удар.

02.01–03.01.2000

В темноте перед сном услышал вдруг явственно звук пилы по дереву. Прислушался — звук исчез. Кто мог здесь пилить кроме нас? Показалось.

Ночью проснулся от очевидно громкого и продолжительного звука пилы. Ситуация абсурдная: кто-то

ночью в темноте приволок к землянке дрова, не заходит при тридцатиградусном морозе и сильном ветре, но интенсивно и долго пилит. Проснувшийся от громких звуков Шаман присел у печки и стал подкладывать дрова. Он явно слышал звуки, но не обращал внимания.

— У тебя есть знакомый с такими привычками?

— Какими?

— Приходить зимой ночью и пилить дрова.

— А-а. (Шаман усмехнулся). Это пилит наш общий знакомый.

— Но кто?

— Лед.

— Как это?

— Идет прилив. Вода поднимает сейчас у берега миллионы тонн льда. Воздух выходит толчками из полостей, приподнимая и опуская огромные льдины.

— Но ритмичность? Как движение руки с ножовкой.

— Скорее как пульс человека. Что тут удивительного? **Не море живет в нашем ритме, а мы — в ритме моря.**

1999

Аэродром подскока

22.06

Понятно, что день будет жарким и солнечным. кое-где над зеркальной гладью моря таяли белесые клочки ночного тумана. Шаман возился с браконьерской шлюпкой — благодарностью за излечение бригады от тяжелого отравления. Он переделывал шлюпку в небольшой шлюп постоянно и радикально: усилил и закрыл борта, нарастил центральные ребро и небольшой

киль, укрепил канат, выполняющий роль волноотбойника и причального бруса, подвижный парус, специально сшитый для него эвелнами. Кроме этого в шлюпе имелись запасные весла, устройство для повышения устойчивости из шестов с пых-пыхами [\[30\]](#) и множество других приспособлений. Восьмиместная шлюпка стала четырехместной, но пойти на ней можно куда угодно.

Горы на далеком мысе огромного полуострова были видны необычайно ясно. Если не знать, что до них около семидесяти километров, можно поручиться, что не более двадцати.

— Собрался попрактиковаться в

мореплавании?

— Пойдешь со мной?

— Куда?

(Шаман указал на синий мыс).

— Успеем до ночи?

— Дойдем часов за десять-двенадцать.

— Шторм не налетит?

— Не звал бы тебя.

— А что там?

— Аэродром подскока [\[31\]](#).

— Настоящий ленд-лизковский?

(Шаман утвердительно опустил веки.)

Прямо из крутого, щетинившегося сланцами берега, торчали остатки бревенчатого сооружения, напоминавшего огромный горизонтально уложенный колодец. Бревна посерели от времени — Что это?

— Была сланцевая шахточка, потом склад. Вход засыпали после войны. Но берег размыло.

— Что там было?

— Взрывчатка, горючее, оборудование.

— Там что-нибудь есть сейчас?

— Беру кое-что для хозяйства: железо, вар, всякую мелочь. Ты можешь найти что-то полезное для городской жизни, но тащить такие

расстояния неразумно.

— Есть оружие, боеприпасы?

— Раньше оружие не оставляли на неохраняемом объекте.

— Возьму что-нибудь легкое на память.

— Думаю, что твоя городская квартира и так забита хламом.

— Да. Откуда ты знаешь?

— Ты годами таскаешь «что-нибудь на память», и, наверное, это уже мешает тебе жить.

— Не нужно ничего брать?

— Бери то, что нужно. А «на память» приучай работать память.

— Но предмет может вызвать воспоминания и «оживить» их. Студентов учим, что предмет —

внешняя опора воспоминаний.

— Воспоминания могут «забить» твое сознание, как хлам квартиру.

— Люди дорожат своими воспоминаниями.

— Я говорю не о том, что само запомнилось, а о том, чтобы ты не наращивал объем воспоминаний искусственно.

— Есть целая культура организации воспоминаний: фотографии, видео, сувениры...

— Куда, зачем и какой багаж впечатлений тащит твое сознание?

— В каком смысле?

— Память нужна человеку не для прошлого, а для будущего. Не

заполняя ее искусственно, это может помешать продвигаться в будущее.

23.06.

Издали огромное летное поле казалось сплошь покрытым цветами, но под ногами лежали поржавевшие железные полосы с выдавленными круглыми отверстиями. Трава и росла в этих отверстиях. В основном, полосы сохранились такими же ровными, как и более полувека назад, хотя местами были изогнуты и даже скручены от перемены температур и влажности. При ходьбе иногда попадались «всплывшие» за

полвека из мерзлоты валуны, окруженные кусками порванного и покореженного железа.

Снег сошел уже недели четыре, и летное поле цвело поверх буйной молодой зелени ковром синей незабудки, белой пастушьей сумки, неизвестных мне сиреневых, красных и желтых цветов. Тонкий запах цветов, ярко-синее до фиолетового оттенка небо, полукольцо черно-синих гор со сверкающими снегом вершинами, мирное жужжание шмелей и порхание бабочек в сочетании с железной взлетной полосой, сохранившей какой-то дух тех суровых лет, повлияли на меня особым образом: **день был так**

прекрасен и так трагичен, что любое действие было бы бессмысленным лукавством. Я просто лег на нагретые солнцем травы и полосы, положив руки под голову. Шаман глянул на меня и молча удалился к невысоким строениям на краю аэродрома. Очень высоко, наверное, уже в тропосфере, парила одинокая белая птица, и я «ушел» за ней. Не спал и не бодрствовал, а как-то «впитывал» красоту и трагичность, бесконечность и мимолетность этого мира. Через несколько часов спокойствие и ясность Шамана стали понятны мне.

— Теперь я понял про

бесполезность «предметов на
память».

— (Шаман кивнул).

— Спасибо тебе.

— Не за что. В городе нельзя
постоянно находиться в этом
состоянии.

— Почему?

— Многие окружающие будут
неосознанно пытаться взбаламутить
тебя.

— ???

— Это также естественно, как
кинуть камень в спокойную воду.
**Большинству городских
необходимо везде обозначать свое
присутствие.**

— У себя в квартире я могу это

практиковать?

— Конечно. Но потом, чтобы заняться городскими проблемами, тебе будет необходимо волевое усилие.

— Зачем вообще людям нужна эта социальная суета?

— А где же человек может развиваться до уровня контроля над собой?

— Мне кажется иногда, что социальные связи мешают развиваться, расти.

— В чем-то мешают расти, в чем-то — опуститься. Неустойчивому социальные связи необходимы.

Шаман льет дробь из аккумуляторных пластин. Технология проста: свинец стекает от костра по стальному желобку и капает в ямку с водой. Иногда капли застывают «с носиком», поэтому мы с Шаманом оббиваем дробь в каком-то железном баллоне. Меняя наклон желобка и температуру, Шаман меняет «номер» дроби. Оказывается, сланцы не набирают влагу и горят жарче, чем дрова.

Трудно придумать занятие скучнее. В отличие от меня Шаман сосредоточен и спокоен, ему не скучно, но и поговорить он не

против.

— Ты тратишь большую часть бодрствования на всякие работы, и у тебя остается часа три-четыре на местные практики.

— Да, примерно так.

— Но в городе ты мог бы иметь больше времени.

— Нет, примерно так же. И там нет местных практик.

— Тебе не скучно столько часов лить дробь? Мне это капание действует на нервы.

— За день делаю годовой запас. А от скуки у меня есть аэродромы подскока.

— Есть недалеко еще аэродромы?

— Я говорю про внутренние аэродромы.

— Что это?

— Любому человеку со временем надоедает чем-либо заниматься.

— При чем здесь аэродромы?

— Человек как самолет. (Смеется.) Летит-летит, потом ему нужно сесть и заправиться.

— Человеку нужно поесть? (Смеемся вместе.)

— Когда тебе надоедает заниматься каким-либо делом, ты или бросаешь его, или делаешь волевое усилие для продолжения.

— Естественно.

— Беда в том, что ты и

бросаешь дело, и делаешь усилие неосознанно.

— Обычно я заставляю себя осознанно.

— Ты когда-нибудь делал выбор: «Бросить или сделать волевое усилие?»

— Нет, но я понимал необходимость продолжения.

— Необходимость — не выбор. Даже не совсем волевое усилие. Выбор делается без необходимости. Ты делал такой выбор?

— Трудно сказать.

— Выбор без необходимости сделать волевое усилие и есть аэродром подскока в твоих делах. Без него твой «самолет» не улетит

далее обычного радиуса.

— Чтобы развиваться нужны волевые усилия?

— Для дел. При развитии человека волевые усилия бывают и вредны?

— Как это?

— Когда человек напрягается, он становится жестче, консервативнее.

— Для развития себя нужно расслабиться?

— Разрешить себе изменяться, расти, понимать. А уж с этим или расслабиться или собраться — по ситуации.

1999

Берег Сокровищ

25.06

Пока я собирал плавник и сланец для ночного костра, Шаман нажарил местной травы, напоминающей петрушку. Заросли этой травы буйно покрывали весь видимый обрывистый берег, поэтому я удивился ее съедобности.

— Обычно съедобные травы нужно искать.

— Мы и нашли.

— Но здесь ее больше, чем всех

других трав на склонах.

(Шаман пожал плечами).

— Вкусно. Какой-то особый рецепт жарки?

— Какой может быть рецепт жарки? (Шаман засмеялся.) Жарь.

— Что это за трава?

— Местные называют ее дикой петрушкой. По науке не знаю.

— Она обладает лекарственными свойствами?

— Примерно как петрушка, только сильнее.

— Так ее нельзя столько есть? (Я задержал вилку у рта.)

— Можно. (Шаман опять засмеялся.). Только будешь мало спать и много думать о женщинах.

— А ты?

— Я не сплю в белые ночи более двух-трех часов. Как и вся здешняя природа.

26.06

В полчетвертого утра проснулся от рева белухи. Казалось, что она проревела прямо над ухом, но колесо ее огромной спины медленно перекачивалась в сотне метров от берега. Шамана не было. Судя по костру, он подкладывал плавник примерно час назад. Поймав себя на том, что и спина белухи выглядит привлекательно, решил больше не

ложиться. И дикой петрушкой не злоупотреблять.

Было уже или еще светло, как пасмурным днем. В точке, где сходятся восток и запад, розовели облака. Подбросив сланца в костер и умывшись в ручье, я медленно побрел по крупной почти идеально круглой гальке.

Осенние шторма нагородили вдоль берега каменную дюну, закидывая за нее все, что легче камня. Постепенно я увлекся находками в кучах плавника: здесь были круглые сетевые поплавки из зеленого стекла, которые мы собирали еще мальчишками; разноцветные поплавки из японской

синтетике и огромные надежные отечественные «балберы» из твердого белого пенопласта. Никто ничего не собирал здесь уже более полувека. В окрестностях Магадана есть люди, которые подрабатывают тем, что выносит море, но только сейчас я впервые понял, как это может быть. Одних обрывков тросов, если их расплести на фалы, на многие тысячи. Плавник всех пород, включая красное дерево, мореный дуб и суперблагородный орех валялся кубометрами. Корпус какой-то ракеты с обломками волноводов внутри белел рядом с иноземным черным бакеном, со свисавшими обрывками проводов и кусками

аппаратуры. Платино-иридиевое покрытие внутри волноводов ракеты выглядело так, будто его не омывали студёные солёные волны. Я даже поломал голову над тем, возможно ли как-то снять электролизное покрытие, но, не придумав способа, двинулся дальше. Больше необычных бутылок и банок меня удивила жёлтая российская банка с чёрной надписью «Вода питьевая консервированная». Удалось также разобрать слова «ВРПО Дальрыба ПО...», «ОСТ 15–24...» и «... в самом крайнем случае». У кого-то был этот крайний случай, так как банка вскрыта. Дай Бог им удачи.

Белая пластиковая бутылочка со

штрих-кодом для правки распечатанного текста. Открутил пробку — хороший свежий штрих-код. С какого корабля канцелярия? Покрутив в руках, бросил в камни.

В довершение чудес, обогнув мыс, я нашел занесенный на треть песком, илом и галькой почти целый катерок с надписью «Феликс Кон». С опаской, надеясь никого не найти, все же тщательно осмотрел его. Мотора не было! Навигационного, электро- и радиооборудования тоже. Кто-то «раздел» баркас еще в море или даже на борту плавбазы. Но зачем выкинули? Или он сам оторвался? Одна из миллионов загадок моря.

Почувствовав, как печет солнце, взглянул на часы. Десять утра. Я возился с находками около шести часов, которые пролетели как миг.

Шаман что-то мастерил, лежа на животе на дне шлюпа. Торчавшие из под палубного покрытия босые ступни покачивались в такт ударам железа по железу. Спросив, не нужна ли помощь, поставил греться чайник.

На третьей кружке Шаман перестал, наконец, стучать и скрежетать, выполз весь взмокший из шлюпа и налил отвара из своего чайника.

— Что ты там делал?

— Опоры для руля и сальник.
(Шаман был как всегда спокоен, но у

меня сложилось впечатление, что он явно доволен результатом). А ты?

— Чего только не видел. Возле твоей землянки такой же берег?

— Говорю же: море и горы дают все. Но на этот берег выносит гораздо больше из-за поворота течения.

— Почему тогда берег не заилен?

— Холодно. Очень сильные шторма.

— Мы не попадем?

— Есть десяток дней в году, когда здесь можно ходить. Или зимой можно добираться по льду. Но зимой все скрыто трехметровой наледью.

— Здесь настоящий берег

сокровищ. Жаль, что все пропадет.

— Все **настоящие** сокровища должны лежать нетронутыми на далеком берегу. В этом их суть и судьба.

27.06

Плыли весь вечер и всю ночь. Днем помогал Шаману снимать часть рулевого оборудования с баркаса.

Смотрю на далекий синий мыс и не верю, что вчера еще был там. Обычно Шаман ходит туда один. Не всякий решится, но, похоже, у Шамана и тени сомнений не

возникает.

— Тебе никогда не хочется опереться на чье-то мнение, опыт, авторитет?

— Не боишься загрустить?

— Почему?

— Задаешь такие вопросы.

— Пожалуй, боюсь, но не слишком.

— Тогда отвечу. Маленькому ребенку нужны родители, подростку-товарищи, юноше и молодому мужчине — своя группа, семья, работа, государство.

— А взрослому мужчине?

— Как ты думаешь?

— Но он опирается на государство.

— Обычно государство опирается на нескольких взрослых мужчин, если, конечно, они есть и хотят подпереть.

— Значит...

— Именно, когда ты действительно взрослый — действительно не на кого опереться.

— Действительно, грустно.
(Вместе усмехнулись игре слов.)

— Когда привыкнешь, увидишь новый горизонт.

— Расскажешь?

— Трудно. У тебя еще нет соответствующей практики.

Белая полярная ночь. Вода у берега кажется кипящей из-за нерестящейся мойвы. Мы черпаем ее сачком из мелкой сетки. Шаман солил для сушки лишь две бочки, а можно было бы за ночь начерпать вагон, не сходя с места. Сколько тысяч километров берега «кипит» в эти ночи?

Бочки полны, и мы усаживаемся у костра. Спать не хочется в эти ночи ни нам, никому на берегу и в море. После обмена бытовыми замечаниями пытаюсь продолжить дневной разговор.

— Новая перспектива развеивает грусть?

— Проще. Ты сможешь пойти

своей дорогой только тогда, когда тебе не нужно опираться на других.

— Многие люди идут своей дорогой?

— Нет.

— Почему?

— Когда они смогли бы это делать психологически, они, как правило, настолько слабы физически, что нуждаются в помощи других: родни, общества.

— Наверное, много и здоровых?

— Нет. Слишком от многого нужно отказаться, а человек может это довольно поздно. Он и сам изобретает себе путы?

— Какие?

— Пока он здоров, он думает,

что дети и внуки нуждаются в нем.

— Так действительно (опять усмехнулись) бывает.

— Редко. Просто он изобретает услуги, от которых они не отказываются. И (смеется) действительно благодарны.

— Человек, который все же пошел своей дорогой, обязательно должен жить отшельником?

— Нет. Но у него должен быть свой берег сокровищ.

— Аллегория?

— Конечно. У него должна быть внутренняя территория, недоступная другим.

— Туда выносит жизнь всякий хлам, как на вчерашний берег?

— *Без этого не бывает.*
(Смеемся). Но есть там и много
ценного.

— Если пустить туда другого, он
соберет все ценное?

— Полбеда, если так. Может
еще и нагадить. **Твой Берег
Сокровищ должен быть полностью
недоступен другим.**

28.06

Выйдя из-за скалы, мы
встретились взглядом с медведем,
стоящим на большом валуне посреди
потока. Наверное, шум потока и
помешал ему услышать нас. Судя по

всему, мишка ждал горбушу и явно скучал. Я не слишком тревожился рядом с Шаманом, но когда медведь шагнул по воде навстречу, потянул с плеча ружье.

Справа высоко закричала вылезшая из скал огромная, величиной с лошадь, злобная крыса. Она решила, что мы вместе с медведем угрожаем ее детенышам. Крик был столь яростен, агрессивен и безнадежен, что я почувствовал оцепенение. Скосив глаза, я увидел эту обезумевшую от страха и ярости тварь в полуметре от себя, на том месте, где только что был Шаман. Монстриха игнорировала меня, и все ее внимание было направлено на

улепетывающего медведя. Я глядел на крысу не в силах оторвать глаз, когда крик прекратился, и на месте крысы возник Шаман. Не крыса превратилась в Шамана, а просто он оказался вместо нее.

Почувствовав, что по коже стекает струйка слюны, я, с усилием двинув челюстью, закрыл рот.

— Что это было?

— Я побеспокоился о тебе и медведе и прогнал его.

— Ты чуть-чуть не прогнал и меня.

— *Это вряд ли.* Крик был направлен в переносицу мишки.

— Как ты превращаешься?

— Никак не превращаюсь.

— Но я явственно видел ужасающую крысу.

— Ты испугался от неожиданности, и твое восприятие сформировало образ твари, которая могла бы так орать.

— Да уж, крик нечеловеческий. Где ты этому научился?

— В одном кружке в Подмосковье.

— Москвичи могут такие штуки?

— Вряд ли это был москвич. Этот человек — мой ровесник или чуть младше. Он говорил, что учился этому у бушменов в Австралии.

— А ты чему его научил?

— Ничему. Он учил за деньги.

Москва и не таких ломала.

— Ты часто пользуешься этим?

— Второй раз.

— А что была за ситуация в первый раз?

— В конце семидесятых в Липецке. Там есть такое место, кажется Каменный Лог или Карьер. На нас со знакомой набрела какая-то банда.

— Ты справился с ситуацией?

— Не идеально. Террористы сбежали, но и она с тех пор избегала меня.

— Удивительно. С чего бы? (Смеемся). Никогда не подозревал о таких умениях. Это секретное знание с Берега Сокровищ?

— Нет.

— Ты можешь меня научить?

— Если ты сможешь

спрашивать.

— А как я смог бы

спрашивать?

— Мы много общаемся, и ты постепенно обучаешься кое-каким практикам.

1999

Голос льда

05.11

«Володя», — окликнул меня голос однокурсницы, в которую был больно и неуправляемо влюблен. Боль давно прошла, и самоконтроля побольше. Но голос раздался так неожиданно, так тепло, что я дернулся и оглянулся. Плеснувший на руку из кружки горячий чай вернул к реальности.

За спиной уходили вверх крутые обледенелые скалы, впереди до

горизонта простиралось замерзающее море. кое-где волна еще колыхала мелкие лепешки льда и шугу. Следующая волна стала выдавливать воздух в многообразные трещины и улитки между льдинами. На этот раз лед крикнул несколько раз протяжно, пронзительно и насмешливо. Он как бы торжествовал, что так удачно меня «зацепил». «Развлекаешься», — усмехнулся я в ответ и поймал себя на том, что всерьез разговариваю с льдом как Шаман. **Настало время обсудить это.**

— Как ты говоришь с льдом?

— Отвечаю на его вопросы и спрашиваю.

— Он знает тебя?

— Уже знает и тебя.

— Но он же меняется каждый год.

— Не совсем так. Для него смена подобна реинкарнации, только он помнит предыдущее. Новый, но тот же.

— Почему он помнит?

— Структура его кристаллов остается в воде неизменной.

— Что можно спросить у льда?

— Все. Но он будет просто *пищать* или *трещать*, если ты не нравишься.

— Как ему понравиться?

— Льду нравятся люди, подобные ему.

— Как человек может быть подобен льду?

— Энергия человека и льда — вихрь, стихия. Попробуй почувствовать. Лед не жестокий, но очень жесткий, и очень насмешлив, не терпит сантиментов и фальши.

— Но я не такой.

— Когда ты идешь днями один по льду, ты собран, сконцентрирован, тверд. Ты — такой. У костра ты расслабился, и лед подшутил над тобой.

06.11

Сижу на скамейке Шамана и

пытаюсь увидеть волны льда. Нет уверенности, что вижу.

Лед отвечает на вопросы как Шаман. Не сразу, через несколько часов или дней. Возможно, на ряд вопросов он ответил, когда я уходил греться или спать. Для диалога нужно многие часы сидеть на скамейке. Элементарно замерзаю. Шаман говорит, что я мерзну, так как не могу сидеть в полной неподвижности. Он одет полегче, но сидит сколько хочет.

— Что можно спросить у льда?

— Пока можешь просто говорить вопрос. Что угодно.

— Но это глупо. Сажу в сотнях километров от людей и вслух задаю

льду вопросы.

— Начни с этого. Или ничего не делай, тогда ничего не будет.

— Может быть, когда долго слушаешь шумы, воображение само формирует из них ответ?

— Отчасти. Лед не хочет говорить твоим языком. Он формирует энергию ответа, а уж она гоняет воздух в звук. В звуке услышишь ответ, если готов.

— Может это не лед отвечает, а мы сами?

— Смотри (Шаман что-то прокричал криком, похожим на усиленный крик огромной чайки.).

Лед ответил сразу же серией уходящих вдаль и вновь

приблизившихся криков.

Городская запись

Несколько недель мело так, что я не мог выбраться из города. Организм, привыкший к длительным переходам, требовал физической нагрузки. Пошел в зал бывшего политехнического института (сейчас — часть Северного международного университета), где пару лет назад играл с преподавателями в волейбол и футбол. Все, приходящие в «наши» часы раньше играли или продолжают играть за какие-либо команды. Я

ожидал, что двухлетний перерыв отрицательно скажется на моих навыках, но с удивлением отметил, что играть стал лучше: резче и точнее. Может быть, из-за общения с Шаманом?

— Твоя «мудрость» повлияла на мою игру?

— Нет, Лед.

— Как это?

— Ты прошел уже сотни или тысячи километров по обледенелой кромке льда и скалам, рискуя соскользнуть в море. Десятки тысяч раз в тяжелой одежде с рюкзаком ты сохранял равновесие, скользил, цеплялся, подтягивался, изворачивался, протискивался...

Тело привыкло решать эти задачи.
Сейчас ты ловок почти как древний чукча-охотник, только навыков нет.

— Лед повысил мастерство игры?

— Ловкость, точность, равновесие, силу — базу. Ты, наверное, даже излишне прыгал по залу?

— Да, как-то было комфортно, хотя и душно.

— Еще бы. В легком спортивном костюме на ровном и не скользком полу.

— Что-то, кроме льда может улучшить мою «базу»?

— Обледенелые скалы, тяжелая одежда и груз — лучший тренер.

Лучше только сознание.

07.11

Лед внушает тревогу. Раньше ходил по зимнему льду безбоязненно. Тут и танковая дивизия пройдет. Но сейчас... Лед может разозлиться или захочет поиграть. Или, наоборот, обнять. Шаман смеется над опасениями.

— Лед делает, что хочет?

— В определенных пределах.

— Он может утопить меня?

— Кто ты такой, чтобы лед пошевелился.

— Но ответил же тебе сразу.

— Могу говорить на языке его энергий. Льду скучно, он отвечает. Но не пошевелится и ради меня.

— Как ты научился его языку?

— Не язык. Энергия высказывания. Я облакаю смысл высказывания в энергию звука, близкую звукам льда.

— Как хотя бы что-то понять об этой энергии?

— Боюсь, в нынешнем состоянии у тебя непреодолимое препятствие?

— Хотя бы о препятствии?

— Твой ум настолько недисциплинирован, что отвлекается от льда, даже когда ухо зачесется. А нужно, чтобы он не отвлекался из-за

холода.

— Если я не буду отвлекаться на холод, я себе что-нибудь отморожу.

— Если ты действительно забудешь про холод, его не будет.

30.12

Шаман прав. Лед действительно здорово тренирует. Когда задумался над этим, «увидел» как легко прохожу некоторые участки обледеневших скал сегодня. Вспомнил, как два года назад со страхом и с трудом лез по этим участкам на четвереньках под добродушное хихиканье Шамана. Раз

это так, надо присмотреться к другим двигательным задачам, которые тело Шамана решает походя, а мое — с трудом. Первое, что заметил: Шаман перед новым трудным участком оглядывается назад.

— Зачем ты оглядываешься перед трудным участком?

— (Долгая пауза. Или я стал уже лучше понимать молчание Шамана, или мне показалось, что Шаман перед ответом решил понаблюдать за своим поведением). **Когда идешь по льду в неизвестное трудное место, думай о том, как вернуться, если решишь вернуться и выбрать другой путь.**

(Теперь молчу я. Это почти очевидно, но я никогда не формулировал словами. Шаман, проявляя свое умение «читать мысли», приходит мне на помощь). Не расстраивайся. Ты только потому смог задать вопрос, что почти знал ответ.

— Этот принцип обратного пути не только для льда?

— Мы никогда и не стали бы говорить только про лед. Потому и общаемся.

30.12

Оттепель. Крупными хлопьями

идет снег и медленно тает на одежде или ветвях. После тяжелого перехода сижу на скамейке для наблюдения за льдами с закрытыми глазами, улавливая приятное ощущение таящих на лице снежинок. Шаман молча сидит рядом. Открыв глаза наблюдаю, как он долго внимательно рассматривает снежинки, на своей рукавице.

— В детстве тоже любил рассматривать снежинки.

— В детстве мы все многое чувствовали, почти знали.

— Что мы знали про снежинки?

— Мы чувствовали что в миллионах их узоров может быть есть ключ к пониманию всего мира.

Это завораживало.

— Действительно есть какой-то ключ?

— Узоры снежинок, кристаллы льдов и все кристаллы устроены также, как ты или я. Разглядывая кристаллы, многое узнаю о людях.

— В каком смысле?

— Твое тело состоит из таких же узоров, сознание тоже.

— Взрослыми мы это забыли?

— Взрослыми мы перестали доверять чувствам как дети. А рационально мы это не узнали.

— Как мне узнать это рационально?

— Сначала смотри.

Через час я почувствовал, что

узнал что-то новое. Это не внушение.
Я действительно стал изредка видеть
человека как кристалл.

2000

Не бойся

21.06

Хотя у меня всегда с собой спички, Шаман не использует их. Зажигая костер, он «практикует» другие способы.

О первом я слышал и раньше. Это модификация традиционного для северных народов способа. Шаман носит небольшую дощечку с двумя высверленными углублениями и тетиву^[32]. На стоянке он натягивает тетиву на согнутую ветку, а другую

ветку закручивает в тетиву. Конец закрученной ветви он вставляет в высверленное отверстие и делает «луком» пилящие движения. Веревка раскручивается, закрученная ветка очень быстро вращается и трется о дощечку, нагревается и поджигает трут^[33]. Это трудоемкий способ, и научился я ему далеко не сразу.

Второй способ мистичен. Шаман просто ставит ладонь сантиметрах в десяти над трутом, и трут загорается. Этого я не понимаю и не умею.

— Зачем ты «пилишь луком», если можешь зажечь ладонью?

— Это — разные практики, дающие два разных огня.

— Разве костры разные?

— Научись разным практикам и поймешь.

— Научи меня зажигать ладонью.

— Сначала научись другим способам и «увидь», что огни разные. А писать ли о ладони — прими решение.

— Почему?

— Никто не поверит. Ты дискредитируешь текст.

— Но иначе я должен буду подделывать текст под правдоподобие.

— Да. Выбери сам. Такие выборы — одна из лучших практик.

Шаман долго смотрел на огонь и обернулся на вопрос. Я открыл рот, чтобы повторить вопрос и застыл, увидев не взгляд, а отражение неба в его глазах. Шаман мигнул, и стал виден взгляд.

— Ты что-то делал глазами?

— Не я — огонь.

— Что?

— Можно сказать, что лечил глаза. Лучше мозг.

— Как это?

— Глаза — часть мозга. Душа как пламя. Когда мозг настраивается на огонь, он настраивается правильно.

— Но огонь может быть опасен.

— Я говорю о костре, свече или другом дружелюбном огне.

— Когда ты зажигаешь ладонью костер, ты это используешь?

— С большой натяжкой — ладонь как линза для внутреннего пламени.

— А почему я видел не взгляд, а отражение неба?

— Я же не смотрел. Просто внутренний огонь общался с костром через глаза.

— Как этому научиться?

— Почти у всех людей в жизни бывают такие моменты. Вспомни их и воспроизведи. Только начинай практиковать в памяти, без огня.

— Почему?

— Это может быть опасно без овладения контролем. *Влезешь носом в свечу.*

— Чего нужно добиваться сначала?

— Начинал эту практику так давно, что помню смутно. Сначала добейся **неподвижности пламени.**

— Что это?

— Вспомни, как горит свеча в безветренную ночь. Ее пламя также неподвижно, как и камень. Но протяни руку — обожжешься.

— Это обязательно?

— Без этого не будет контроля.

— Но лепестки пламени в костре не неподвижны.

— В своем времени они неподвижны как горы или льды. Ты дальше от огня, чем я думал. Пламя живет не лепестками, а башнями. Для начала просто рассмотри внимательно пламя.

21.06

Мои попытки рассмотреть пламя кончались резью в глазах. Я понял, что нужно узнать что-то еще или прекратить эту практику.

— Почему у меня болят глаза?

— В какой-то момент ты «входил» в пламя?

— В какие-то моменты ум как

бы входил внутрь пламени.

— Глаза заболели после этого?

— Не помню.

— Чтобы освоить практику нужно наблюдать за нею. Освоение практики — усилие сознания.

— Что мне делать?

— Ты не готов. Садись подальше и начни с изучения тлеющих угольков. Постепенно привыкай.

— Хотелось бы более четких инструкций.

— Полной ясности не будет никогда. Не жди ее, привыкай действовать в условиях частичной неопределенности.

Долго думал, включать ли в книгу этот раздел. И если включать, то в натуральном виде или отредактированном. Потом стал размышлять о том, чем вызваны сомнения. Откровенно, сомнения вызваны нежеланием с кем-либо конфликтовать. Само преподавание психологии в небольшом городе приучает думать об этом. Например, по ночам начинает названивать религиозная фанатичка и кричать в трубку: «Ты рассказываешь студентам про Фрейда! Это против Учения!». Далее угрозы и оскорбления. Объяснять, что история

современной психологии уже невозможна без Фрейда, бесполезно. Только вызывает новую волну активности фанатиков.

Размышления привели к выводу о том, что я побаиваюсь таких фанатиков. Но страх не должен руководить моими действиями. Решил все описать так, как и было. Пусть высшие силы все расставят на свои места.

Компетентность Шамана в вопросах городской жизни подтолкнула меня к некоторым вопросам об ее устройстве.

— Почему сегодня недостойные живут лучше достойных?

— В каком смысле

недостойные?

— Ну, без образования, некомпетентные.

— Ты это вкладываешь в достоинства?

— Всякие бандиты, жулики, вообще, люди, не выполняющие десять заповедей.

— Может быть, заповедей было больше?

— В голову такое не приходило.

— Не всякое знание доступно к размышлению.

— В каком смысле?

— Если векам запрещается о чем-то размышлять, потом это просто становится неосознаваемым правилом мышления.

— Ты знаешь другие заповеди?

— Не могу утверждать. **Просто со стороны вижу то, что веками невыгодно никакому государству.**

— Что это?

— Я думаю, могла быть такая заповедь: **«Не бойся».**

— «Не верь, не бойся и не жди»^[34]?

— Нет, только — не бойся.

— Но человек не выжил бы эволюционно.

— Не в смысле безрассудности, а в смысле что-нибудь предпринимать.

— Ты думаешь, в этом они лучше меня?

— В одном лучше, в другом

хуже. Также и их жизнь.

02.01.

Как можно не бояться? Государство, отношения ко многому обязывают, но дают защиту. Если не бояться, то многие отношения становятся обесмысленными. Может быть, Шаману не нужна принадлежность к социальной системе, потому что он не боится?

— У тебя есть какая-то концепция смысла жизни.

— *Тебе уже никто не поможет со смыслом.*

— Почему?

— Ты — взрослый самостоятельный мужчина. Можно сказать, что стоишь на последней ступеньке тех смыслов, которые дает общество. Можешь на ней и стоять. Но, если решишь идти дальше-выше, сам должен придумать смысл.

— Если это удастся, другие смогут пользоваться новым смыслом.

— Да, если твоя практика будет доступна другим. Так общество расширяет свой мир смыслов.

02.01

День очень короткий. Рассвет в одиннадцать. Закат в три. Летом

солнце садится за вершины прибрежных гор, а сейчас до берега не доходит и садится в море. Сочетание темно-серого в сумерках льда и ярко оранжевых облаков на горизонте создает ощущение какой-то непрочности мира. Как будто закат нарисован на очень тонкой занавесочке, которая может порваться, и за ней откроется неизвестный, но жесткий реальный мир.

Такое же ощущение возникает при размышлении о создании собственных новых смыслов. У Шамана наверняка есть собственные смыслы его жизни и практик.

— Так много людей, но не

СЛЫШНО О НОВЫХ СМЫСЛАХ.

— Большинству не нужны новые смыслы. Они даже будут враждебны к этому.

— Как же они все-таки создаются?

— Многих не устраивает их жизнь. Единицы настолько конструктивны, что могут начать новые практики.

— Почему единицы?

— В рассуждениях это здорово, а в конкретной жизни страшно.

— Почему?

— У тебя есть авторитетные для общества родственники, друзья?

— Есть.

— Наверное, не очень приятные

люди? Навязывают иногда свои взгляды?

— Да, своеобразные.

— Почему терпишь?

— Надеюсь, что в трудной ситуации они помогут, защитят.

— Точно?

— Не знаю.

— Для свободы мышления ты должен перестать с ними соглашаться, когда тебе это не нравится.

— Неуютно. Как крышу разобрать.

— «Крыша» — хороший термин. Чтобы расти дальше, нужно иногда разбирать «крышу».

— Сейчас есть в городе такие

выражения «крышу снесло»,
«лишиться крыши».

— Язык — коллективный ум.
Много найдется людей,
конструктивно разбирающих свою
«крышу»?

— Очень мало.

— Потому и единицы, что из ста
таких только один думает о смыслах.

02.01

«Перед важным действием
Шаман потирает руки над пламенем.

— Что ты делаешь?

— Увидел это у местных
шаманов, сразу понял смысл и с тех

пор делаю так.

— В чем смысл?

— Очищаю руки от остатков других дел».

Свобода. Благодарность Волка

В то лето я работал психологом в отделе НОТ угольного треста под Карагандой. Однажды вызвали в прокуратуру.

В кабинете ожидали двое невысоких квадратных мужчин в штатских костюмах. Они сразу мне напомнили злобных бульдогов. Мужчины представились офицерами-оперативниками и предложили провести редкую в те годы судебно-психологическую экспертизу аффекта.

Полистав дело, я сразу сказал,

что никаким аффектом здесь и не пахнет. Подсудимый, бывалый преступник, имел высокий статус в криминальных кругах. Скорее всего, имело место какая-то демонстративная выходка убийцы-рецидивиста. Ситуация вовсе не вынуждала к аффективным действиям. Оперативники посерьезнели, переглянулись, и тот, что помоложе, сказал: «Он — красный». Увидев мои поднятые брови, второй пояснил: «Он с нами сотрудничает, нужен аффект». Я попросил время, что обрадовало оперативников: «Подумай хорошо. Откажешься — будут проблемы. Правильно решишь, и твоей бабе

помогут авторитетные люди».

Женщина, с которой я тогда жил, ночью на мотоцикле сбила человека. Реальное чувство вины угнетало нас, не давало спокойно обдумать и оценить ситуацию. Таня считала, что ей будет легче, если ее посадят. Я отговаривал тем, что это не поможет, но без внутренней убежденности, то есть и неубедительно. К счастью, серьезных травм не было, только ушибы, но, мужчина уже подал заявление. Третьего дня я ходил к нему и договорился. Заявление забрать не удалось. Не отдали, сказав, что дело ушло в областную прокуратуру.

Посоветовавшись с Таней, стал

тянуть время. Никакое «сотрудничество» не могло служить оправданием убийства — в этом мы были единодушны. На очередном «собеседовании» оперативники мне прямо сказали: «Или посадим твою, или получишь от людей двадцать тысяч». Вот как им нужно было помочь Красному. Сейчас я понимаю, что деньги бы не отдали, а, скорее, заставили бы «лепить» экспертизу за экспертизой.

Вечером я решил написать Красному аффект. Таня не спала, иногда рыдала. Под ее рыдание мне и приснился Волк. Фрагментом. Он бежал по снегу. Ему было хорошо. Он был свободен и никогда ничем не

поступался. Все стало предельно ясно.

Утром мы, бросив трудовые книжки и небогатый скарб, уехали в Москву. Товарищ обещал сообщить, если Таню объявят в розыск. Тогда мы уехали бы в Магадан и ушли бы на несколько лет в тайгу. Моя сестра, работавшая начальником сельхозотдела в Колымагидрометеокомитете^[35], могла показать более-менее оборудованную не используемую точку.

Розыска не было. Опера блефовали.

В Москве, без жилья, работы и почти без денег, мы впервые по-

настоящему почувствовали себя
свободными и уверенными.

1999, 2001

Снежный человек

19.07

У меня нет сомнений в том, что Шаман может многое, недоступное простому человеку. При этом сам Шаман утверждает, что, например, в его общении с растениями, животными, ручьями и облаками нет ничего мистического, а есть определенные практики. Просьбы показать что-нибудь специально Шаман игнорирует, но его исчезновения и появления, призывы

рыбы в ловушку, свист для отпугивания комаров, угрозы мышам и другие «бытовые практики» я наблюдаю постоянно. Шаман редко обсуждает со мной эти практики, отговариваясь неразвитостью моего языка, но иногда кое-что поясняет.

— Ты утверждаешь, что можешь существовать одновременно в разных точках пространства?

— Для твоей реальности.

— Как это?

— Вот ползет паук. Ты ставишь на его пути руку, паук разворачивается. Ты ставишь другую руку. Для паука твои руки — два разных существа, но это — ты один: и спереди, и сзади одновременно.

— Если на меня нападают два волка, это два волка или одно существо?

— Волки, медведи и все звери — могут быть руками Духа местности. *Не раздражай его*, и никто не нападет.

19.07

Некоторые странные ритуалы Шаман объясняет нежеланием раздражать сверхсущества или даже желанием получить от них помощь. Сначала я думал, что он научился этим ритуалам у эвелнов, пока не увидел, что они сами приходят к

нему за подсказкой и уточнением. Мои расспросы об источнике знания ритуалов Шаман счел бесполезными, заявив, что я все равно не занимаюсь соответствующими практиками. Сам употребленный мною в контексте вопросов термин «ритуалы» привлек внимание Шамана, и он сказал, что я интерпретирую как ритуалы все непонятные мне действия. Единственный раз мне удалось получить разъяснение природы сверхсуществ.

— О каких сверхсуществах ты говоришь?

— Представь себе глубоководную рыбу без зрения и слуха. Может она иметь

представление о солнце, тебе, твоей деятельности?

— Нет.

— Правильно, у тебя на два чувства больше. А теперь представь себе существ, у которых на два чувства больше, чем у тебя. Можешь ты иметь представление об их мире и их деятельности?

— Мне говорил об этом один коллега, но я не верю в существование таких существ.

— Что тебе мешает?

— Если бы они были, мы бы видели следы их деятельности.

— Мы их видим.

— Где же они?

— Например, движение

материков.

— А я думал, что материки движутся по естественным причинам.

— Если ты придешь вырубать лес, зайцы разбегутся. А когда они вернутся, то не смогут связать пеньки с твоей деятельностью. Для них это будет «по естественным причинам».

— Эти сверхсущества — Духи?

— Нет, просто существа.

— Это — инопланетяне?

— *Хоть горшком назови...*

— Их много на Земле?

— На их Земле много, а на нашей нет, как нет нас на Земле Глубоководной Рыбы.

Появившееся ночью чувство тревоги, не покидало меня все утро. Я не мог найти причину. Ни физические, ни астральные животные не могли мне угрожать при Шамане. Людей не было, по крайней мере, в радиусе ста километров. Некоторое время я смотрел на спокойного, как вода в утреннем колодце, Шамана и неожиданно для самого себя спросил:

— Снежные люди есть?

— Да.

— Ты видел их?

— Да.

— Как они выглядят?

— Для человека очень
устрашающе.

— Они опасны?

— Нет. Мы им безразличны.

— Все же, как они выглядят?

— Представь себе человеко-
медведя выше высокого дерева с
горящими глазами и очень хищной
мордой.

— Десять метров высотой?
Почему же их никто не может
поймать?

— У них на одно чувство
больше, чем у нас. Человеческая
охота на них была бы похожа на охоту
слепых на зрячего.

— Значит, если несколькими
дивизиями оцепить большой кусок

тайги и плотно прочесать, их обязательно поймают?

— *Не ищи приключений...*

— Но все же принципиально можно их стопроцентно поймать?

— Бесполезно. Они уйдут в свои туннели. Вся дивизия пройдет мимо.

— Что за туннели?

— Человек со своей геометрией и энергетикой может передвигаться только по определенным туннелям на Земле, хотя ему кажется, что он передвигается свободно.

— Знаешь, я читал «Книгу песчинок»^[36]. Там сказано о туннелях, сокращающих географические расстояния.

— Неудивительно. Все хорошие

фантасты-экстрасенсы. А в твоей книге сказано, что эти туннели населены?

— Нет.

— Видишь. Да люди и не могут попасть в туннели других существ просто так.

— То есть снежные люди нам не встретятся?

— Те, кого называют снежными людьми, могут передвигаться по нашим туннелям тоже, хотя это бывает редко.

— Снежные люди видят туннели.

— Это — обыденность для них.

— Как же ты встречался с ними?

— **Я сам — Снежный человек.**

— А обычные, не снежные люди, могут как-то узнать о снежных?

— (Пауза. Шаман заметил, что я иронизирую, но сразу же заметил, что я очень встревожен). Обычный человек не может осознать, что они находятся рядом в своих туннелях. В это время он испытывает особое чувство тревоги. Можно научиться выделять это чувство.

— Не понимаю.

— Когда ты проходишь мимо муравейника, муравьи не осознают твое присутствие, хотя ты ударом ноги можешь разрушить их жизнь. Они испытывают особое чувство

тревоги.

— То есть необъяснимая тревога обусловлена тем, что снежные люди находятся рядом?

— Не только тревога и не только они.

— Они сейчас рядом?

— Да. Скорее — она.

— Я спросил тебя, потому что почувствовал?

— Ты просто чувствуешь тревогу. А спросил, потому что почувствовал мое знание об этом.

— Почему они не захватят планету?

— Тебе хотелось когда-нибудь захватить мир моржей или мир чаек?

Поняв причину своей тревоги, я успокоился и стал пытаться ощутить присутствие. Шаман подсказал мне, чтобы я прошел пять шагов влево и вперед. Когда я, вытянув руки, сделал пятый шаг, Шаман покатился со смеху. Мне стало грустно, я опустил руки и пошел дальше, чтобы не сказать грубость. Почти сразу же возникло ощущение, будто я наткнулся на какое-то уплотнение воздуха. В тот же момент по лицу и груди будто скользнула невидимая мягкая щетка, и уплотнение исчезло. Резко прекратился смех Шамана. Я оглянулся и увидел, что он машет

мне рукой.

— Что это было?

— Я не хотел, чтобы ты дошел на нее. Но ничего страшного. Она ушла без раздражения.

— Это могло быть опасно?

— *Это — вряд ли.* Ты же не раздражаешься, когда в ногу тебе ткнется полуслепой щенок. Скорее ты погладишь его.

— Куда она ушла?

— Просто с твоего пути. В то место, куда человек попасть не может.

— Вообще не может, или существуют практики?

— Да, всякие пентаграммы-гексаграммы. Но учти, что они, как

правило, приводят на используемые дороги и тропы, аналогичные нашим. Вероятность встречи слишком велика.

— У меня такое ощущение, что нечто подобное бывало и раньше.

— Ничего удивительного. Каждый человек может задеть какое-нибудь существо, или они могут задеть нас^[37].

20.07

Смотрю на море, горы на далеком острове, пытаюсь представить себе в прозрачном воздухе идущие во всех направлениях

туннели, наполненные различными существами. Чаще всего все же представляются люди: современные и древние, разных национальностей и... цивилизаций.

— А люди все ходят по одним и тем же туннелям.

— Нет.

— Но ведь все люди могут встретиться.

— Нет. С людьми из твоих туннелей ты будешь встречаться постоянно, хотя кажется, что вероятность встречи мала. С другими не встретишься никогда.

— Да, я часто встречаю в метро магаданцев, хотя в Москве почти невероятно оказаться случайно в

одном вагоне.

— Чаще, чем простая вероятность?

— Намного.

— Скоро наука должна будет взяться за эти туннели.

— Почему я попадаю именно в эти человеческие туннели, а не в другие?

— Японские рыбаки говорили: «Карма».

— А ты?

— Энергетика, скорость.

01.08

Мир наполнен огромным

количеством разных неизвестных существ. Мы не знаем о них, потому что наша деятельность никак не пересекается с их жизнью. Часть из них знает о нас, часть — нет. В основном, они безопасны, так как мы никак не связаны с их жизнеобеспечением. Информация о них накапливается медленно, по мере расширения общественной или индивидуальной практики.

— Чьи это следы возле ручья?

— Не знаю.

— Да там все истоптано.

— Про следы я знаю, я не знаю — чьи.

— Ты никогда не пытался узнать?

— Много лет следил, капканы ставил, ямы, тетиву — бесполезно.

— А эвелны?

— Местные тоже не знают.

— Так это что, неизвестный науке зверь?

— Один из них.

— Но что-нибудь ты о нем знаешь?

— Он похож на маленького мамонта и может передвигаться в снегу, во льду и, наверное, в земле.

— Почему раньше не было его следов?

— Это существо не похоже на обычных животных еще и тем, что не имеет постоянной территории или маршрутов миграции. Я думаю, что

оно или они иногда ночуют прямо в ручье.

— Есть другие неизвестные звери?

— Много.

— Не могу поверить.

— Помнишь, ты не хотел верить в снежного паука и объяснял мне, что этого не может быть, из-за того, что они должны быть минусовой температуры?

— Мои знакомые биологи и сейчас не верят, что я видел его.

— Значит, они не поверят и в этих зверей, поскольку никогда их не увидят.

— Что мешает наблюдать их?

— Разное количество чувств,

разный темп, плотность, разные туннели, разные спектры или и то, и другое вместе.

— Хоть какие-нибудь примеры?

— Их полно в фольклоре: лешие, домовые, русалки, кикиморы, полтергейсты, инопланетяне...

01.08

Решив, что Шаман является экспертом по общению с лешими, домовыми и русалками, я попробовал расспросить о них.

— Эти лешие, домовые и русалки часто общаются с человеком?

— Скорее люди часто обращаются к ним.

— Откуда у людей такие умения?

— Люди выполняют определенные действия как ритуалы, но это является фрагментами определенных практик взаимодействия.

— Откуда люди знают, что делать?

— Людей миллиарды, они могут сделать это случайно и запомнить. Кроме того, из миллиардов должно быть много неординарных: видящих, понимающих, чувствующих.

— Общение с ними не опасно?

— Как ребенку с топором. Сами

они не враждебны, но человек может их разозлить по незнанию.

— А сами они не общаются с людьми?

— Помнишь, ты кружил вокруг своей избушки?

— Помню. Досадно.

— Это Леший развлекался. В моменты, когда ты впадал в прострацию, он проводил тебя по своему туннелю к началу круга.

— Я мог это заметить?

— *Это — вряд ли.* Его темп гораздо быстрее твоего.

12.12.1999

Третий час идем с Шаманом по льду, меняясь и ступая в след друг другу. Идя сзади, заметил, что иногда от одежды Шамана отделяются черные точки и разлетаются в разные стороны. Сначала подумал, что просто рябит в глазах. Стал присматриваться. Точки были очень маленькими шариками с прозрачной оболочкой. Они летали по сложным траекториям во всех направлениях, обгоняя нас или отставая, по ветру и против ветра. Ни одна не садилась на снег. Отдаляясь, они просто терялись из виду из-за маленьких размеров. Я стал ставить руку на их пути, но они ни разу не садились на нее, всегда огибая сантиметрах в десяти.

— Ты видишь эти черные точки вокруг нас?

— Да, сегодня их день.

— Что это?

— Простые полевые существа.

Сегодня сгустились.

— Что за полевые существа?

— Вроде паразитов или симбионтов.

— Они вредны?

— Обычно их не замечаешь.

Скорее — симбионты.

— Откуда у них энергия на морозе?

— Они — вроде замкнутых колец энергии или вихрей. Даже света луны может хватать.

— Почему они видны сегодня?

— Выброс. Или размножение, или отмирание.

— Нужно их изучать.

— Пробуй.

— Как ты с ними практикуешь?

— Никак. Или изредка считаю их знаком изменений.

— Полезных.

— Любых. Это знак для внимательности.

12.12.1999

Шаман показал ничем не примечательное место, сказав, что здесь есть кости неизвестного животного. Я — не зоолог, кости как

кости. Животное, наверное, величиной с овцу. Ключья шкуры с сохранившейся коричневатой шерстью. Сначала подумал, что большая росомаха. Но череп и впрямь был странным. Выступающих вперед челюстей не было. Острые, загнутые внутрь зубы и треугольная форма наводили на мысль о голове очень большой рыбы, но роговые наросты на черепе и солидные когти указывали на сухопутное животное.

— Что это за животное?
Амфибия?

— Не видел живым.

— А как узнал о костях?

— Много лет назад его здесь загрызли волки. Наткнулся случайно.

— Откуда знаешь, что волки?

— Интересно стало, кто мог убить такое чудище. Вычистил следы под наносами. Зверь сопротивлялся. Здесь рядом есть и волчьи кости.

— Вел себя достойно, значит.

— Когда загрызают, то и заяц дерется.

12.12–13.12

Часа в четыре утра по крыше что-то ударило. Со сна подумал, что камень с осыпей. Но Шаман поставил землянку так, чтобы камни на нее не сыпались. Сомнения мешали уснуть, и я почти отогнал их,

когда явственно услышал, как на крышу упала ветка. Ветром принесло? Но высокие деревья довольно далеко. После третьего удара стало очевидно, что кто-то кидает ветки специально.

Эвелны? Нет. При их вежливости они не потревожат нас до утра. Другой человек, наоборот, при ветре и морозе поскорее зайдет в землянку, а будет не кидаться ветками. Выманивают? Беглые ээки? Чушь. Никто из них в эту сторону не пойдет, да и не дойдет зимой. Значит, не человек. Еще одна ветка ударила по крыше.

Шаман, как всегда, дышал во сне бесшумно, и я посветил фонариком,

убедиться, что он здесь. Веки Шамана дрогнули, он махнул рукой, показывая, чтобы я отвел луч фонарика. Я понял, что Шаман проснулся.

— Что это?

— Спи. Етти развлекается.

Увидев, что Шаман совершенно спокоен, я отложил вопросы до утра и скоро сам уснул.

— Это Снежный человек?

— Нет. Етти — вроде большой снежной обезьяны.

— Здесь есть и такие?

— Всегда были, но мало.

Намного меньше мишек.

— Зачем он кидал ветки?

— Развлекался с тобой.

— Как это?

— Чувствуют эмоции человека.

Он и развлекался твоей тревогой.

— Опасен?

— *Это вряд ли.* Много раз за мной ходили, но никто близко не подошел. И эвелны их не считают опасными, хотя обходят.

— Живут племенами?

— Одинок, как медведи.

Иногда мать с детьми.

— Почему их мало?

— Не знаю. Может еды мало.

— Всеядные?

— Никто не знает их жизни.

10-11.08.2001

Дождь льет пятый день без перерыва. Это — нетипичный дождь. Обычно сильные дожди не бывают долгими, долго идет мелкий дождь. Этим летом у меня уже был необычный опыт с неожиданной грозой, которой не должно было быть. Потом выяснилось, что в Магадан на корякский национальный праздник свезли сразу семь старух-шаманок, а они и вызвали эту грозу. Они думают, что, если в ответ на их камлание будут гром и молнии, то это Ворон услышал их и отвечает.

Часа в два дня я понял, что дождь нетипичный, сразу же собрался и пошел на место, где был во время грозы. Идти моим шагом с

легким рюкзаком всего три часа от города, есть тропа и здесь даже бывают другие люди, но не в дождь, конечно.

В семь вечера мне уже удалось разжечь устойчивый большой костер. Для скорости я взял с собой в пластиковой бутылке бензин. К восьми у меня был и навес, и запас дров на ночь. С дровами легко — плавник давно никто не собирал.

Дождь льет и не думает прекращаться. Под моим навесом камни уже высохли от костра, тепло, но парит из-за дождя и тумана. В десять уже ничего не видно дальше метров тридцати. Подумал, что, наверное, это просто обыкновенный

сильный дождь.

Проснулся часа в три из-за того, что шум дождя прекратился. Особенно громко стало слышно, как невидимые в тумане волны накатывают на берег. Часы я снял, и нет необходимости доставать их из кармана рюкзака. Подложил дров и удобно уселся возле костра. Тихо. Стал входить в состояние «аэродром подскока». Есть.

Он (оно?) вышел из-за ближайшей скалы. Ни один камень не покатился, не стукнул, хотя его размеры и вес огромны. Человек так ходить не может по этому берегу; камни проседают, катятся, скрипят, стучат. Он подошел в два шага, то

есть его шаг в четыре-пять раз больше человеческого, как и размеры. Уселся массивной темно-коричневой глыбой с другой стороны костра напротив меня. Дым на него, человек не смог бы там спокойно сидеть, но его, кажется, это не беспокоит. Хорошо, что я в состоянии Шамана, а то испугался бы и повредил себе. Хотя, возможно, иначе он бы просто не показался.

Я медленно (сейчас, когда пишу, самому странно, но была мысль: «Не спугнуть») протянул руку вправо к куче дров и положил в костер ветку. Он тоже медленно протянул огромную мохнатую лапу (руку) вокруг костра (!) и положил ветку в

костер. Мощь и размеры его неимоверны, но он не настроен враждебно. Тоже, наверное, хочет не спугнуть.

Контур его треуголен, как яранга, хотя угадываются мощные плечи. Голова заострена кверху, глаза светятся красно-коричневым отблеском костра. Наверное, примат. Но нет ощущения первобытности, скорее такие будут потом. Понимаю, что он ходит, бегает, плавает быстрее меня. Наверное, идеально приспособлен к холоду и жаре. Такой переживет и ядерную зиму. Зачем он пришел? Должна быть какая-то цель. Пытаюсь обратиться к нему мысленно или уловить его

мысленное обращение. Ничего нет, кроме того, что сам воображаю. Неожиданно понимаю, что он тоже находится в состоянии Шамана. Вопрос сам вылетел изо рта:

«Шаман, это ты?»

Он шевельнулся, глаза мигнули. Это не подтверждение и не отрицание. Молчим. Наконец понимаю, что это просто встреча. Он пришел на нее также как и я. Еще раз подкладывали дрова. Стало светать, опять пошел дождь. Он встал и опять исчез за скалой. Встреча закончилась.

1999

Хохот Медведя

21.07

Наверное, я бы не смог жить как Шаман. Нормальный человек нуждается в информации, общении, горячей ванне, кофе, телевизоре, асфальтовом тротуаре, наконец. Мужчинам нужны женщины, женщинам — мужчины. Не только физически, психологически тоже. Город притягивает очень сильно уже через месяц-другой жизни на побережье.

С удивлением, будто впервые увидев, наблюдаю, как Шаман чинит коптильню-сушилку. Его движения уверенны и сильны, он сосредоточен и безмятежен. Он ни капли не похож на эвелна. Это — современный, собранный мужчина, умеющий справляться с ситуациями и с людьми. Скоро я уйду в город, и он, может быть, много лет не увидит ни одного человека. Долгие полярные зимы, снега, льды. Его это нисколько не заботит. Он был бы также безмятежен, если бы остался последним человеком на планете. Может так оно и будет? Мне становится неуютно.

— Почему ты не заведешь

собаку?

— Собака может прожить у меня более двадцати лет. Не планирую здесь на такой срок.

— Ты можешь оставить ее эвелнам.

— Собака зависима. Ее душа будет искать тебя всюду, и ты будешь укоризнен^[38].

— Наверное, некоторые люди тоже думают о тебе.

— Я не общаюсь долго с теми, кто может быть зависимым.

— Ты как-нибудь развлекаешься?

— Даже медведь развлекается.

— Как ты развлекаешься?

— Когда я отвечал за детей,

жизнь в тайге была для меня
развлечением.

— Так сейчас вся твоя жизнь —
развлечение?

— Я развлекаюсь почти все
время. Это только одна грань жизни.

— А что еще?

— Тебе лучше не думать о моих
смыслах. Думай о смыслах таких, как
ты.

— Как-то конкретно ты
развлекаешься?

— Например, изучаю существ и
их туннели.

— А раньше отшельники не
развлекались.

— *Это — вряд ли.*

В часе ходьбы от землянки Шамана мое внимание привлек странный жужжащий звук. Повернув в направлении звука, стал следить за ним. Звук повторялся через примерно равные промежутки времени. Но, именно, примерно. Это не был звук неорганической природы. Такая последовательность звуков скорее присуща развлекающемуся или токующему животному.

С неизвестными животными следует быть осторожным. Достал бинокль и начал внимательно изучать местность. Звук становился громче, теперь он напоминал

звучание хамуса. Есть. Что-то массивное ворочается в том месте, откуда раздается звук. Пришлось пройти дугу градусов тридцать, чтобы ветер дул точно на меня. Приближаясь и пробуя точки наблюдения, нашел удобное место. Пятиминутного изучения хватило, чтобы все понять.

Медведь. Дергает лапой тонкую часть поваленного оползнем расщепленного корня березы. Щепка упруго вибрирует и издает этот необычный звук. Медведь заморожен, раскачивается с волной звука, не может оторваться и ничего не замечает. Смотрел за ним минут двадцать и пошел дальше.

— Видел сейчас, как медведь играет на деревянном хамусе.

— Не только играет.

— Что еще?

— Настраивается.

— На что?

— На низкочастотные колебания.

— Как, зачем?

— Как и человек, играющий на хамусе. Отрывается от повседневной суеты и настраивается на естественные ритмы этих мест.

— Человек медитирует на звуке хамуса?

— Если в этих терминах, то да.

— А медведь?

— Медведь тоже, только реже.

Шаман, кажется, понимает, что я хочу ему сказать о проблемах одиночества. Он утверждает, что эти проблемы будут преодолены человеком в будущем.

— Ты знаешь, что первобытный человек, изгнанный из племени, быстро умирал от одиночества?

— Конечно. Современный человек тоже быстро сдастся, если убедится, что встретиться с людьми для него невозможно.

— Почему?

— Он потеряет смыслы.

— Что же делать в такой ситуации?

— Такая ситуация практически невозможна сегодня. Человек всегда будет надеяться, что кто-то на него наткнется.

— Но ты же не ждешь, что кто-то на тебя наткнется.

— Я, наверное, не совсем человек.

— Что ты имеешь в виду?

— Человек — член общества, социума людей. Здесь его смыслы, то есть основа жизни. **Я — член другого общества.**

— Какого другого?

— **Я — Человек, Ворон, Медведь, Снежный человек и многое другое. Медведь, например, может жить без людей.**

— Знаешь, в городе тебе бы дали диагноз.

— Конечно. (Смеется). Только ведь я социально компетентен. Легко сделать так, чтобы любой психиатр написал «норма» и в сердцах про себя добавил бы: «Безнадежная норма». (Хохочет).

— Что здесь смешного?

— **Смеюсь, потому что могу быть отстраненным.** Вовлеченный человек не смеется. **Считай, что это хохот, например, Медведя.** Лучше — Ворона, чтобы ты не пугался.

— Ты мог бы жить без человечества?

— Некоторое время мог бы, но

по-другому.

— Как «по-другому»?

— Одежда, оружие, инструменты — все пришлось бы делать самому.

— С одеждой-оружием-инструментами многие смогли бы.

— Нет.

— Почему?

— Много причин. Зубы лечить, желудок. Только здоровый и понимающий окружающий мир человек смог бы продержаться долго физически. Но он *свихнулся бы* психологически.

— Понимаю. В длинные зимние дни и ночи что ты думаешь один?

— Ничего.

— ???

— Человек постоянно думает о своих делах, потому что у него нет другой практики бытия.

— Но вот ты строишь коптильню. Ты же думаешь в это время о ней?

— Нет.

— А как же ты ее строишь?

— **Она сама строится моими действиями.**

— Но ты же обдумывал цели своих действий.

— Только общую.

— Человек так не может.

— Естественно, потому что обычный человек думает словами.

— Если не буду думать о том,

что делаю, я ничего не смогу сделать.

— Правильно, пока ты не освоишь новую практику.

— Что будет со мной, если попытаюсь действовать, как ты?

— Без практики будет то, что называется «бытовой идиотизм».

26.07

Шаман не знает политических событий, не следит за календарем. Его не интересует государственный строй. Возможно, именно это позволяет ему не замечать времени. С определенного момента я стал думать, что он делает это вполне

сознательно.

— Ты будешь встречать Новый год?

— Я замечаю, когда день начинает удлиняться.

— Но в полночь с 31 декабря на 1 января ты ничего особого не делаешь?

— Местные отмечают Новый год в дни летнего солнцестояния^[39]. Когда лучше справлять?

— У тебя есть календарь?

— Мне не нужен календарь, а в полночь человеку лучше спать.

— Я читал американского мистика, Карлоса Кастанеду. Он пишет, что человек должен иметь гибкий распорядок и не быть рабом

распорядка.

— *Это не кажется мне умным.*

Есть распорядок времен года, дня, болезни и выздоровления, цветения и увядания, дыхания, чего угодно.

— Если ты не поспишь, что будет с тобой?

— Могу не спать и не есть много дней, но потом мне надо поспать и поесть. Никуда не денешься.

— Но почему тебе не поспать днем, не поесть ночью?

— Человеку лучше спать в полночь, когда он максимально далеко на Земле от Солнца, и бодрствовать днем, когда он максимально далеко от Луны. Скажу теперь резче: *или ты чего-то не*

понял, или ты начитался чепухи. Не плюй против ветра.

— Есть что-то особенное во взаимодействии с Солнцем и Луной?

— Все люди это знают, особенно женщины. Солнце и Луна дают свои энергии, которыми мы питаемся.

— Как мы ими питаемся?

— Это не зависит от обычного человека, само собой. Но если человек будет долго бодрствовать ночью и спать днем, он начнет быстро стареть.

— Знаешь, я летаю иногда в Москву и обратно, и распорядок суток дважды меняется на восемь часов.

— Это наносит большой урон твоим ресурсам.

02.08

Некоторые предметы в землянке Шамана удивляют меня. Например, явно не иностранные, какие-то очень российские металлические изделия. Но тоже явно, что в городах таких не встретишь.

— Откуда у тебя эти медные крюки и алюминиевая полоса?

— Я припрятал их, когда сносил предыдущую землянку.

— А откуда ты принес их туда?

— Туда принес из предыдущей.

(Смеется).

— А в самый первый раз? (Оба смеемся).

— В царские времена был тракт от Якутска, до Охотска. По-над трактом шла телеграфная линия. Это — со столбов.

— Их не собрали охотники за цветными металлами?

— По-моему, лет пятьдесят там не было даже настоящих охотников.

02.08

Шаман — эксперт по грибам. Он собирает грибы четыре с половиной месяца; с конца мая по

начало октября. Весь Магадан собирает грибы меньше двух месяцев; с середины июля по начало сентября. Любой вопрос о «грибных народах» (выражение Шамана) не вызывает у него затруднений. Он говорит, что грибы сами все ему сообщают о себе.

— Почему здесь грибы растут кругами?

— Это обыкновенные ведьмины круги.

— Их высаживают люди с грибами на голове?

— Где ты таких видел?

— На скалах.

— Это старые рисунки людей-мухоморов.

— Что это такое?

— Местные иногда общаются с ними под влиянием мухомора, но я этого еще не практиковал.

— Значит, круги грибов насадили «обыкновенные ведьмы»?

— «Ведьмин круг» — обычное название. Центральный гриб съедают бурундуки или белки, или он сгнивает. А вторые грибы растут кругами по грибнице или по разлету спор.

— Но в большинстве мест грибы не растут кругами. Почему здесь?

— Здесь равномерные условия и центр местной розы ветров.

2000

Снег. Благодарность Волка

Волк умер недавно. Меня вспоминал. Когда уже тело перестало беспокоить. Думал, что я вырос в огромного мужчину, больше, чем на самом деле. Знал, что я о нем думаю. Ему не легче было от этого, он-то не боялся ни жить, ни умереть один. Но гармоничнее.

Он считал, что я похож на него. В смысле, что он может без меня обойтись, а я — без него. Могу, но так не всегда было. Когда он убегал от меня в семьдесят третьем,

сомневался — убегать или начать охоту? Перед смертью думал, что правильно не начал охоту. Смерти не боялся, ждал. Слишком долго жил. Тело стало таким, что держаться за него не хотелось. Хотя умер не от голода, мог охотиться. Хотел посмотреть на меня, прибегал пару раз на то место, а я не догадался. Он иногда пользовался тем, что я ему отдал, и неплохо получалось. То, что я ему подарил, у меня не ubyло, как и у него то, что он подарил мне. Когда-нибудь многие так будут делиться со многими.

Перед смертью его мир перед ним проходил образами. Как круги многоярусные. Все одновременно, но

без путаницы, четко. Вот это мир! То, что для нас непостижимо — снежные люди, бурунги (безобидные, но «цепляют»: кривляются все время, пародируют, рожи строят, считают себя умнее)^[40], лешие, гаргуши, другие звуки, запахи, цвета, ритмы — для него обыденно и известно (означено). Он мне все показал, поделился. Знал, что я буду помнить. По волчьим меркам мы живем невообразимо долго. Я ему тоже показал городские образы. Ему ново, как мне его мир.

Потом пошел снег. Волк смотрел на звезды, пока их не закрыло снегом.

1999–2000

Хохот Шамана

15.08.1999

Мои городские проблемы привели к кризису. Чувство неопределенности тревожило, не давало сосредоточиться и заняться каким-нибудь делом или спокойным обдумыванием ситуации. Шаман заметил это и подробно расспросил о моих делах.

— Почему ты не спрашивал раньше?

— Не хотел ввязываться в твои

дела.

— Ты бы мог спросить и не ввязываясь.

— Если ты спрашиваешь о проблемах человека, и он отвечает тебе, ты обязательно ввязываешься в его дела.

— Люди постоянно интересуются делами друг друга.

— Они постоянно ввязываются в дела друг друга. И они постоянно ввязывают других в свои дела.

— Как это?

— Рассказывают другим о своих проблемах.

— Это делается умышленно?

— Примерно половина людей делает это умышленно.

— Значит ты, слушая меня, ввязываешься в мои дела?

— Да.

— Но почему?

— Если нужно привычное объяснение, то знай, что через некоторое время я собираюсь пожить в городах. И рассчитываю на твою помощь в первые дни.

— Почему именно я?

— Человек интуитивно чувствует, кто для него «свой», а кто «чужой». Поэтому же и ты хочешь общаться со мной.

— Как же ты будешь жить среди людей?

— Я — человек.

— То есть ты — как человек?

— (Шаман захохотал). Ты по-настоящему пошутил.

— А всерьез?

— Сейчас благоприятное время для освоения одной недлинной городской практики.

— Что значит — недлинной?

— Года три.

— А что это за практика?

— Поработаю официантом или даже открою свой ресторан.

— А потом все бросишь и вернешься сюда?

— Не брошу, закончу практику. Вернусь, конечно, в эти края. Но не сюда.

— Сейчас, наверное, осталось немного безлюдных мест здесь?

— Да, около миллиона квадратных километров.

— Ну, это ты слишком.

— Считай. Система Черского [\[41\]](#)

и все что к северу на восток и запад — раз. Анадырьское плоскогорье и все, что на восток и северо-восток — два. Большая часть Восточно-Сибирского плоскогорья по линии Магадан—Якутск и южнее — три. Уже миллиона полтора.

— Там есть племена, неизвестные растения, животные?

— Все есть. Главное — особые цивилизации и особые практики.

16.08.1999

В эти дни мы говорили очень редко и коротко. Но каждый разговор странным образом укреплял меня.

— Почему мы не берем ружья?

— Мы идем ставить петли.

Ружья не дадут сделать это хорошо.

— Почему?

— Чтобы хорошо поставить петли, мы должны рассчитывать только на петли.

— Всегда нужно иметь один вариант?

— Нет. Тогда ты будешь упускать шансы.

— Когда нужно иметь несколько вариантов, а когда один?

— Сейчас взять ружья было бы

проявлением слабости, в другой ситуации — не взять было бы слабостью.

— Как узнать, какая ситуация?

— Человек всегда знает это, если прислушается к себе.

— Откуда?

— Все так называемое новое знание — проявление того, что ты знаешь всегда.

16.08.1999

Совсем редко Шаман что-то сообщал мне без моих вопросов. Сначала я относился к таким сообщениям как к лечению,

поскольку обычно Шаман рекомендовал что-то без вопросов больным. Чуть позже стал понимать, что Шаман дает мне не рекомендации, а особую информацию.

— Почему ты думаешь, что мне не хватает глубоких отношений с людьми?

— У тебя нет гормональной болезни, но есть лишний вес.

— **Лишний вес оттого, что нет полноценного общения?**

— **Да, задумайся о своих отношениях с окружающими.**

— А я думал, что от неправильного питания и сидячей работы.

— Это — следствия.

17.08.1999

Шаман просит приносить ему современные книги. Я предложил приносить и газеты, что вызвало хохот. Сквозь хохот он сказал, что прочел все современные, прошлые и будущие газеты еще в начале девятисотых. Но и ни одну принесенную книгу он не прочитал. Пролистывал, читал отдельные фрагменты, абзацы, строки. Почти никогда не спрашивал о значении терминов. Тем интереснее было получить от него совет по чтению

книг.

— Год назад ты рассказывал про ауру. Откуда ты столько знаешь про нее?

— В твоих книгах все написано. Надо только «отделить зерна от плевел».

— Как отделить?

— **Когда ты читаешь контрольные своих студентов, видишь, где неправильно?**

— Вижу, но студенты не видят.

— **Перестань быть студентом и в этом направлении.**

— Как это?

— Просто используй все возможности своего сознания.

— Но как?

— Сам знаешь. Усваивай то, что реально, и отбрасывай то, что нереально.

17.08.1999

Недалеко от ручья мы с Шаманом сколотили деревянное сооружение в виде огромной врытой в землю ванны. Только такой спокойный человек, как Шаман, мог тщательно забить и законопатить все многочисленные щели. Вода из «ванны» уходила в землю, но достаточно медленно. Положив в ручей деревянный желоб, Шаман быстро наполняет ванну водой и

кладет туда из костра раскаленные камни. Уже около двух лет мы пользуемся горячей ванной посреди снегов, но никак не могу прекратить удивляться.

Шаман принес небольшую охапку морской капусты (ламинарии), тысячи тонн которой с августа начинает выбрасывать на берег. Весной эти водоросли «стирает» как наждаком уходящими льдами. Когда я залез в парящую ванну, Шаман стал подавать мне длинные листы ламинарии, посоветовав обернуть ноги и тело. Сразу же возникло ощущение морской ванны и горячего пляжа. Шаман ушел, и я задремал полулежа.

Проснулся от того, что вода стала остывать. Через полчаса после ванны необыкновенный прилив энергии буквально «бросил» меня на дела, которые «висели» над душой неделями. За четыре часа я зашил рюкзак и ножны, наточил, наконец, по-настоящему топор и развел ножовку, привел в порядок все захваченные с собой записи, выстирал комбинезон, вычистил ванну и территорию вокруг землянки Шамана, спилил, приволок и обтесал два бревнышка для починки навеса и «загатил» оставшимися ветками несколько низинных участков пути к моему домику. Когда стемнело, я заварил чай, прикинул выполненный

объем работ и скорость их выполнения и понял, что это необычно.

— Это ванна из морской капусты так подействовала?

— Да, ты «выкинул» часть городского напряжения.

— Без такой ванны этого бы не было.

— Могло быть, но случайно.

— Могу так делать в городе?

— Да, но эффект будет поменьше.

— Почему?

— Дома у тебя ванна железная, вид из нее не такой, и не деревья шумят, а унитаз журчит...

— Жаль.

— Не беспокойся. Для города будет столько энергии, что не разнеси квартиру.

— Это можно делать постоянно?

— Дает нагрузку на сердце. Но здоровый человек может регулярно.

— Морская соль из аптек не даст такого же эффекта?

Шаман сплюнул.

— Что-нибудь еще подобное можно делать?

— Можешь запарить в ведре ветку стланика и вылить в свою ванну.

Про хвойный концентрат из аптек я, конечно, не стал спрашивать.

17.08.1999

Шамана заинтересовало, когда я назвал его «прагматистом по Дьюи», но он посмеялся над тем, что прагматично полезное для общества. Деятельность Шамана скорее описывается схемами конструирования будущего на базе прошлого действиями настоящего. Мою ситуацию он посчитал результатом только моих собственных действий и заявил, что жизнь и впредь будет заводить меня в тупики, **«если ты не начнешь собирать свои действия для будущего, как собирают бревна для**

дома».

— Ты считаешь, что это должно было произойти?

— Если ты совершил действие, ты обязательно получаешь результат, хочешь ты этого или нет.

— Мистика какая-то.

— Мистика — совершить действие и думать, что ничего не будет. А совершить действие и знать, что обязательно последует результат — последовательный материализм.

— Но если мне не нужен результат?

— Не нужно было действовать.

— Люди могут действовать, не подумав или по ошибке.

— Результату все равно. Он наступит.

— Это плохо?

— Сам по себе результат нейтрален. Но если ты его не ждешь, он может разорвать цепочку твоих дел. Если ты не готов — он может быть опасен.

— Что же делать?

— Не делать ничего лишнего. Это лучшее лекарство от бестолковости.

— Но поисковая, сверхнормативная активность полезна эволюционно.

— Полезна для вида, для

индивида — опасна. Ненаправленная активность разумных бывает опасна и для вида. Для разумных полезна разумная активность.

— Что делать, если ненужное действие уже совершено.

— Иногда помогает обратное действие, но редко.

— А что-нибудь помогает часто?

— Часто помогает прекращение ненужных действий. У человека, много энергии тратится на борьбу с последствиями его же ненужных действий. Если эта энергия не будет растрачиваться зря, человек начнет делать то, что нужно, и

сможет одолеть многое.

— Как понять, какие действия нужны, а какие нет?

— *Это — просто.* Вернись к реальности и делай только то, что тебе действительно нужно.

— Я чувствую, но не могу позволить себе бросить текущие дела.

— Тогда сделай это постепенно.

— Как?

— Начни делать нужные дела, и со временем они сами вытеснят ненужные.

01.09.1999

Советы Шамана показались мне очень толковыми. Я был полон решимости прекратить ненужные дела. Чтобы никто не мешал, я даже сказал знакомым, что в конце августа улетаю в Москву. В первый же день, когда ненужные дела должны были прекратиться, появилась масса новых интересных и неотложных дел: редактор престижного журнала попросил написать статью, позвонил обеспеченный предприниматель и попросил его консультировать, вечером я с радостью встретил давнюю знакомую^[42]. Десять дней радостно-энергичной и псевдоуспешной суеты настолько выжали меня, что, нарушив все эти

«успешные» договоренности, я ушел в свой домик. Через сутки в гости пришел Шаман.

— Решив не делать ненужных дел, я настолько выжат нужными, что и описать трудно.

— Ты выжат суетой. (Шаман усмехнулся.)

— Но это действительно нужно: и публикации, и деньги.

— Откуда ты знаешь?

— Это всегда было проблемой.

— Да-а, мужик. Оказывается, я не сказал тебе самого главного о нужных и ненужных делах.

— Что это?

— **Обычный человек не может отличить нужные действия**

от ненужных без специальной практики?

— Эта практика доступна мне?

— Да. Вернись к реальности.

— Но как?

— Решив не делать ненужных дел, необходимо пару-тройку дней не начинать никаких новых дел вообще.

— Что же делать в это время?

— Разгребай и заканчивай старые дела. Ни в коем случае не бездельничай.

— До каких пор?

— Пока не почувствуешь прилив энергии, обусловленный

тем, что незаконченные дела не высасывают тебя.

— Сколько ждать этого?

— Думаю, что в твоём случае два-три дня.

— И что потом?

— Потом ты вдруг начнешь продвигаться к тому, о чем мечтал. Но делай только эти дела и продолжай разгребать старые.

Через две недели я совершил обратное действие. Еще через год — стал готовить записи разговоров с Шаманом к публикации. Огромная масса ненужных дел [\[43\]](#) свалилась почти сразу.

01.09.1999

Две недели назад Шаман сделал мне амулет. Основу составляла помещенная в пластиковую бутылку лохматая небольшая ветвь какого-то растения. По стечению обстоятельств я довольно долго не присматривался к этому растению.

Сегодня особый день — первое сентября, а я — преподаватель, только вышел официально в отпуск. В нашем университете начинались лишь практики, занятия — с октября. Так повелось с советских времен, когда студентов вывозили «на картошку» по разнарядкам Обкома. Разнарядок давно нет, но

устраивающий всех график занятий, по умолчанию, сохраняется.

Все же хотелось в такой день сделать что-то особенное, и, расположившись на солнечном склоне, я достал из рюкзака амулет и начал его изучать. Когда я хорошо разглядел растение в центре и обдумал увиденное, у меня, в буквальном смысле, волосы стали дыбом. Такого растения не могло здесь быть!

Древесный стебель был часто покрыт длинными крепкими острыми иглами, между которыми повсюду рос клочковатый розовато-серый не то пух, не то мех. из-за этого растение казалось массивным

и неопределенным. Несколько боковых отростков явно могли отламываться как у кактуса. Наверное, растение так и размножалось. Внешне все это напоминало огромную, агрессивную шипастую гусеницу шелкопряда. Казалось, что это колюче-лохматое сооружение сейчас зашипит и кинется на тебя. Я представил себе такое растение длиной в метр и более и содрогнулся. Такими колючками защищаться не от кого! Хищников растения не интересуют, а ни один олень или птица и не приблизятся к такому.

Вдобавок ко всему, за несколько дней хранения в рюкзаке без воды, на

конце ветви и отростков
проклюнулись зеленые почки. От
любопытства я не стал дожидаться
Шамана, а отправился навстречу.

— Где ты взял такое
страшилище?

— Оно растет с юга у моего
Шаманского дерева.

— У тебя есть Шаманское
дерево? Где оно? Что это?

— Никто не покажет тебе свое
дерево.

— Ну хоть местность.

— Ты пока не можешь бывать
там.

— Почему?

— Нет практики.

— Я не дойду?

— Нет практики. Считай, пока, что туда можно пройти лишь из моего сновидения.

— Но ветвь реальная?

— Как этот куст.

— Я могу показать ее другим людям?

— Амулет твой. Делай, что хочешь.

Растение и сегодня стоит у меня на окне, прибавляя по сантиметру в год. Многие знакомые приходили посмотреть его. Посмотрев и потрогав, люди успокаиваются и больше не интересуются растением. Думаю, что и само растение, и рассказ о территориях, куда можно пройти лишь из сновидения Шамана,

настолько немыслимы, что почти все предпочитают серьезно об этом не думать.

02.09.1999

Ночью мне снилось мое дерево. В ярком лунном свете местность была почти узнаваема. Я мучительно вспоминал эти места, зная, что вспомнив, найду уже наяву. Но сон оборвался, когда я почти вспомнил. Запомнились лишь созвездия. До утра во сне решал задачу: с какой точки Земли (или не Земли?) звезды видны так? Зачем-то обязательно нужно найти свое дерево.

Анализируя вчерашние записи, наткнулся на фразу Шамана: «Дерево есть у всех».

— У меня тоже есть свое Шаманское дерево?

— Не Шаманское. Свое дерево, как и у всех.

— А Шаманское? Какое-то особое?

— Все деревья разные.

— Почему же шаманы считают, что особые деревья есть лишь у них?

— Не все, некоторые. Они неверно истолковали тот факт, что другие в их окружении не находят своих деревьев.

— Я могу найти свое дерево?

— Да.

— А другие горожане?

— Нет.

— Почему? Чем я отличаюсь?

— Ты много лет ходишь по побережью один. Большинство горожан не любит этого и боится.

— Как узнаю свое дерево?

— Сначала вы много раз видите во сне. Потом просто идешь и узнаешь.

— С кем я вижусь во сне?

— Ты видишь дерево, а оно — тебя.

— Когда я найду его?

— Вы найдете. Когда будете готовы оба.

— То есть и дерево может быть не готовым?

— Да.

— Как?

— Если ты не видел дерево во сне, ты не узнаешь его. Также и оно может не узнать тебя.

— Что определяет готовность?

— Ты уверен, что не покажешь свое дерево никому?

— Да.

— Зачем оно тебе?

— Не знаю. Не думал.

— Ты пока не готов.

02.09.1999

Разговор с Шаманом продолжать непросто. Нужно подумать. Целый

ряд вопросов Шаман останавливает утверждением, что без соответствующей практики я не пойму ответов. Чтобы избежать этого я составляю и заучиваю опросники дома. Но невозможно предвидеть повороты разговора. Пытаюсь действовать и методом Шамана — спокойно заниматься чем-нибудь, пока «придет» вопрос.

Решил сварить уху из ручейной форели. Шаман научил хватать форель прямо рукой, но для меня слишком экстремально — замирать и следить в такой холодной воде. Все же не вопрос жизни и смерти. Народный способ мне больше нравится. Пускаешь поплавочек по

течению у порожка и следишь за ним. Чуть выше дна плывет крючок с икринкой или с ручейником. Форель хватает и отпускает мгновенно в любом месте — чтобы подсечь, нужно полностью сосредоточиться на плывущем в солнечных бликах поплавочке. В этом секрет любой мастерской рыбалки — сконцентрированная медитация.

На пару часов забыл и о шаманском дереве, и обо всем. Вопрос «всплыл», когда я закончил заправку ухи и присел у костра^[44].

— Свое дерево реально или нет?

— Конечно, реально.

— Что ты имел в виду, когда говорил, что к нему можно добраться

только через сновидение?

— Буквально так.

— В сновидении надо увидеть дорогу?

— Нужно идти к нему в сновидении.

— Но реально в это время я буду где-то спать?

— Нужно реально идти в сновидении. (Шаман задохнулся от хохота).

— Но тело будет лежать?

— Как же тело будет лежать, когда ты идешь? (Шаман, не прекращая хохотать, схватился за голову и упал на бок).

— Но как же я могу идти, если я сплю? (Я не понимал, над чем

смеется Шаман, но хохот начал заражать и меня.)

— (Шаман хохотал, держась за живот и перекатываясь через спину с боку на бок). Ох, ты меня сегодня доконаешь. Просто и спишь, и идешь.

— Что покажет видеозапись, если камера в это время будет снимать меня?

— Идущего тебя и фон.

— Но я же сплю!

— (Шаман взревел и начал на пике хохота издавать утробные звуки). Конечно. И твоя камера попадет в реальность твоего сна, если только ты потащишь ее с собой.

— (Я засмеялся и вдруг понял сначала всю нелепость своих

вопросов, затем и все ответы Шамана). Так я и притащу назад и все кадры, и все, что захвачу!

— Понял, наконец.

— И так ты принес мне ветвь для амулета?

— Много что принес.

— Я утащу туда от всех мою женщину!

— Нет. (Шаман прекратил хохотать, и мы совершенно серьезно смотрели друг на друга еще слезящимися от смеха глазами). Ты только понял, но еще не был там. Опасно.

— Так не я создаю эту реальность?

— Не ты один. И сначала ты

почти не влияешь. Ты проходишь туда, потому что там твое дерево.

— Я могу туда отвести других?

— Зачем?

— Не знаю. Пока не думал.

— Это дерево растет и через мир твоих предков, и через мир твоих правнуков. Потащишь туда кого-нибудь?

— Если так, то нет. Как же оно так растет во всех мирах?

— Сквозь все миры. Это и дерево твоего рода.

— А всех людей?

— Это то, что в фольклорах называется «Шаманский лес» или «Заколдованные леса».

— Человек может повредить

этот лес?

— Только фрагмент своего мира.

— А если он найдет дорогу к дереву?

— Такого окружающие называют Шаманом. Он не будет вредить своему дереву.

— А чужим?

— *Это — вряд ли.*

— Почему?

— Предки или потомки будут защищать свое дерево и убьют его. И никто не знает защитных сил леса. Это просто самоубийство.

29.10.2000

Осенью 2000 года Шаман разобрал свою землянку и закрыл место кустарником с осыпей. Стало понятно, почему он строит землянки, а не домики.

В октябре Шаман жил у меня, выправлял документы, шил одежду и сутками играл в компьютерные игры. Он мог бы работать модельером уникальной по удобству и функциональности спортивной и рабочей одежды.

Однажды, когда мы пили чай, в гости зашел мой давний знакомый, считающий себя человеком творческим и неординарным. Он не был у меня несколько лет, что не помешало ему явиться, как всегда,

без предупреждения. Шаман почти не обращал на него внимания, что «зацепило» знакомого, и он стал, по своей привычке, ничего не зная о Шамане, советовать ему пересмотреть свою «пустую» жизнь. Шаман внимательно выслушал советы, еще более «зацепил» знакомого парадоксальными замечаниями и рефлексивной надстройкой и, в свою очередь, дал ему ряд рекомендаций. Зная, что без **расспросов Шаман** **дает методические рекомендации только тем, кого считает больным,** я был удивлен. По моим прикидкам Шаман не был в городе более пятнадцати лет, и он уверенно

«лечил» современного человека. В его словах было настолько много того, что эвелны называют «сила слова», что мой нигилист выполнил после очень тщательно все рекомендации. Он изменился довольно быстро (за три-четыре месяца) и весьма неожиданно. Наверное, неожиданно и для себя самого.

— З.: И как же мне начать?

— Ш.: Начни с малого.

Спланируй изменения.

— Тысячу раз я это делал, ничего дельного не планируется.

— Ты ни разу не выполнил ритуал^[45] планирования.

— Может ты, о мудрейший,

расскажешь мне сей древний ритуал.

— (Шаман не реагировал на иронию.) Прежде всего, сходи в баню и сделай себе аккуратную модную прическу.

— Это зачем?

— Потом купи себе модные хорошие туфли. Есть деньги?

— Есть-есть.

— Если денег нет сейчас, помой и почисть эти.

— Очень интере-е-есный ритуал!

— Купи себе хороший фирменный одеколон, ручку «Паркер» и хорошей, лучше финской, бумаги.

— О, ближе к делу.

— Чисто вытри стол, положи на него пачку бумаги и ручку «Паркер».

— Ну, Вы совсем утрируете.

— Одень новые туфли, глаженные брюки, свежую рубашку, сбрызни новую прическу одеколоном, выключи телефон, убери часы и сядь за стол не менее чем на полтора часа.

— Это, действительно, ритуал. Вы не смеетесь?

— Возьми из пачки лист и напиши на нем «Паркером» сверху «Планирование реальных действий».

— Вы смеетесь.

— Через две минуты тебе захочется вскочить и побежать по своим неотложным делам.

Продолжай сидеть и думать о линии своей жизни.

— Что это даст?

— Еще через две минуты тебе захочется записать твои творческие озарения. Отбрось их, как и предыдущую суету. Продолжай сидеть и думать о линии своей жизни.

— Что мне думать о линии жизни?

— Еще через две минуты ты поймаешь себя на том, что думаешь о посторонних вещах. Отбрось и эти мысли. Продолжай сидеть и думать о линии своей жизни.

— И что это даст?

— Несколько раз тебе придется

отбрасывать посторонние мысли и спокойно возвращаться к мыслям о линии жизни.

— Так что это даст?

— Ты когда-нибудь делал так?

— Нет.

— Эта новая для тебя практика — начало культурного действия планирования.

29.10.2000

Когда знакомый ушел «в баню», я спросил Шамана:

— Ты считаешь, что он больной?

— Это — больше по твоей

части. Сейчас он — социопат. Но у него есть воля.

— Как ты это увидел?

— Приучайся и ты под слоем случайного и мелкого видеть существенное в человеке.

— Почему именно две минуты на мысли?

— Ты же рассказывал мне про свои опыты о произвольном усилии^[46].

— Твои рекомендации похожи на методики Гурджиева.

— Я сам — Гурджиев (Шаман захохотал).

— То есть ты — как Гурджиев? (Хохочем вместе).

07.10.2000

Октябрь теплый, но Шаман говорит, что зима будет холодная. Еще идет дождик, снег выпадал два раза и стоял. Мы шли дворами улицы Шандора Шимича, когда нас необычно окликнули: «Эй, старые!». Оклик меня удивил. Никто из незнакомых не дает моих лет, а определить возраст сильного жилистого Шамана, да еще в темноте, практически невозможно.

Подбежали три крупных молодых человека и стали требовать деньги («лавэ» на их сленге). Не страшно. Мои друзья юности куда круче. Шаман *сказал им, куда идти,*

и звякнул своей сантехнической сумкой. Увы, «не понимающим советам нельзя помочь^[47]». Один из них замахнулся на Шамана и получил страшный удар разводным ключом по уху. Он поднес руки к голове и молча упал лицом вперед. Все происходило в полной пронзительной тишине. Даже далекие собаки перестали лаять. Тишину нарушил топот одного из убежавших бандитов. Потом я услышал снизу голос третьего: «Не бей! Не бей!». Однако Шаман размахнулся вновь, и я сморщился от страшного хруста разбиваемых зубов. Бандит всхлипнул и затих.

Молча долго шли под дождем

домой, не упоминая об автобусе. Знал я, что Шаман решителен и рационален, но одно дело знать... Шаману и в голову не приходило обсуждать происшедшее, а я не мог не обсудить.

— Как другой оказался на земле?

— Сам упал от страха.

— Зачем ты его ударил?

— Он был в естественном беспределе. Никто его не остановил до меня.

— Будет бояться из-за боли?

— Теперь знает, что любой человек может вдруг обернуться «своею азиатской рожей».

— Знаешь Блока?

— Знал.

— Он не с тебя писал «Скифов»?

— Нет. С тебя. (Шаман, пожалуй, впервые, не игнорировал иронию, а вернул мне.)

— (От неожиданности мне пришлось отшучиваться самому.) Да я тогда был еще в виде очень малой вероятности.

— Блок и писал вероятности.

— (Не поняв, шутит Шаман, или нет, я вернулся к разговору об обществе.) Думал, что общество тебе безразлично.

— Лучше думай о смыслах таких, как ты.

— Так небезразлично общество?

— ... на это общество. Просто взбесившиеся звери должны избегать нас.

— Могут посадить за такое.

— Это — вряд ли.

07.10.2000

Шок не проходил. Шаман рассуждает об этом случае, не отрываясь от шитья. Также, как, например, о лекарственных растениях.

Понятно, что найти невозможно. Дождь, темнота. Они не успели нами заинтересоваться настолько, чтобы взглядеться. Но оклик был

удивителен.

— Как они узнали наш возраст?

— Были в измененном состоянии сознания.

— Наркотики?

— Да, что-то новое.

— Наркотики могут повышать остроту восприятия?

— **Все связано.** Такое повышение остроты опасно.

— Чем?

— В нормальном состоянии им в голову не пришло бы окликать нас. Инстинкт самосохранения заставил бы не обращать внимания. А так, **старый инстинкт не уследил за новым восприятием.**

— Убежавший даст показания?

— У него инстинкт более развит. В обычном состоянии человек очень смутно помнит о необычном.

— Не хочу спрашивать. Ты убил первого?

— *Это вряд ли.*

— А мог бы?

— Я воевал.

— Наверное, ты воевал очень эффективно?

— Тогда был обычным бойцом и мечтал как все.

30.10.2000

Понимаю, что подготовка

Шамана к отъезду завершается. Документы есть, одежда есть, денег он заработал за месяц больше, чем я за три, дав весьма специфическое объявление о ремонте сантехники. Начало нового цикла обеспечено заменой ванн и унитазов. Шаману все равно. Он говорит, что я вижу символизм не там, где он есть.

С ним не чувствуешь себя комфортно, скорее общение с ним проблематизирует то, что называется «личностью». Но с ним чувствуешь, как растет твое понимание мира и что-то, что будет после личности. Неизвестно, увидимся ли мы?

— Зачем ты едешь в ЦРС?^[48]

— Я был в городах в другой

стране, еще до Горбачева. Сейчас не чувствую себя компетентным. Это очень ценная практика.

— Что в этом ценного?

— Когда человек долго живет в привычной ситуации, он становится компетентным и заскорузлым. Его мышление деградирует, так как он не решает новых задач.

— Но он все более хорошо решает привычные задачи.

— Он их уже не решает, а обкатывает. Он «экономит» мышление, живя привычным образом. Потом он начинает избегать новых задач...

— Новые задачи нужны для

мышления?

— Для всего: ума, тела,
чувств.

— А тебе не тревожно?

— Конечно. Но этой тревоге
нельзя дать перерасти в избегание
нового.

Послесловие

В ноябре Шаман уехал в Москву по зимнику через Нерюнгри и Якутск, чтобы в Магадане не записывать паспортные данные. Он был не против публикации записей, но просил начать это после его весточки. В ночь на 2001 год я получил поздравление с виртуального ящика. Шаман сообщил, что будет несколько лет жить в большом русском городе. Я сознательно не узнавал его имя по паспорту, поэтому найти его невозможно. Кажется, я начал понимать его путешествие. Трудно

объяснить. Наверное, придется постепенно подбирать словесные структуры, как и для объяснения благодарности Волка. Пока могу отметить, что Шамана не очень интересуют путешествия в только пространстве, так как он движется еще и во времени. Такой туннель.

Большой массив записей разговоров 1997–2000 г.г. я продолжаю прорабатывать и готовить к публикации.

24.03.2001.

Просто диалог

— Интересно было бы на него посмотреть.

— Знаешь, по улице пройдешь рядом и не обратишь внимания. Мужик и мужик.

Приложения

Далеко не все диалоги удается вспомнить и записать. Часто мы ведем длинные разговоры, сидя в лодке или шагая по побережью. Чтобы «не потерять» высказанные Шаманом мысли, приходится записывать их уже своим текстом. Привожу примеры таких текстов, которые я планирую издать отдельно [\[49\]](#).

Магия как обыденная практика других

Человек (существо), являясь членом сообщества (существ), является одновременно и представителем его культуры. Предположим, что человек (Ч1 на Рис.1), включенный в культуру 1 (К1), имеет представление о пяти деятельности (Д1...Д5) или знает, как получить продукты (П1...П5) этих деятельностей.

Ч1/К1

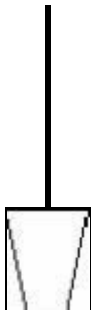

Рис.1. Д1... Д5

П1... П5

Другой человек (Ч2 на Рис.2), включенный в другую культуру 2 (К2), имеет представление о тех же пяти деятельности и еще об одной, шестой (Д1...Д5,Д6), или знает, как получить продукты (П1...П5, П6)

ЭТИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ.

Ч2/К2

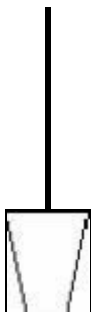

Рис.2. Д1... Д5Д6

П1... П5П6

Представитель первой культуры (Ч1) не знает и представить себе не может деятельности (Д6), при реализации которой можно получить продукт (П6). Для него П6 — продукт, полученный неизвестным и невообразимым путем, то есть магический продукт, а Д6 — неизвестная и невообразимая практика, то есть магия. Это описание позволяет понять, почему взрослый иногда выступает перед ребенком как маг. Человек может быть магом и для группы людей, и для целого сообщества. «Личная история деятельности» каждого человека уникальна, но факт существования одинаковых для всех

практик на определенных
возрастных этапах развития
позволяет говорить о существовании
возрастных структур культурного
сообщества. Эти структуры
определяют истинное различие
культур как различие практик в
разные периоды жизни человека.

Ритуальные танцы как практика деловых игр прошлого

Сегодня деловые (ролевые, проблемные, деятельностьные и другие) игры применяются для тренинга совместной деятельности, координации действий участников. Чаще всего эти игры применяются там, где не разработано достаточное количество языковых средств для передачи практики, и их разработка затруднена.

На ранних ступенях развития языка дефицит языковых средств ощущался и при реализации многих

видов совместной практики, которые на более поздних этапах хорошо описываются. Человеку, как и сегодня, для координации действий участников приходилось прибегать к различным формам тренинга деятельности, независимо от того, как это осознавалось и интерпретировалось.

Одной из весьма развитых для человечества форм моделирования совместной практики являлись ролевые ритуальные танцы. Участие, например, в ролевом танце «охота», в котором ребенок или подросток принимал участие сначала в «массовках», играя роль загонщика или человека, сидящего в засаде,

являлось мощным средством партиципативного (сопричастного) обучения действиям в процессе настоящей охоты. Наверное, настоящая охота после ритуального танца, при прочих равных условиях, должна была быть более «удачной»: участники, особенно начинающие, узнают цели своих действий и действий других участников. Обобщенное знание применяется в конкретных условиях и позволяет координировать действия при достижении совместной цели. Аналогичным образом моделировались и другие виды совместной практики.

Таким образом, ритуальные

танцы, предназначение которых осознавалось как вид сотрудничества с духами, являлись, кроме этого, распространенным средством партиципативного обучения и передачи опыта.

Неизбежность опасности прогресса

Интеллект не развивается без решения проблем, как тело не развивается без физической нагрузки. Обычно проблемы сами находят нас. Если они усложняются, интеллект развивается сильнее, если нет...

Но что происходит, если в какой-то период жизни проблемы решены? Человек или «лежит на боку» и деградирует, или ищет новые проблемы — путешествует, враждует, строит и т.п. И, если проблемы настоящие, рискует по-настоящему.

Интеллект и решаемые проблемы всегда находятся на грани, на острие возможностей по отношению друг к другу. Также и интеллект человечества. Если люди отступят перед какой-то проблемой, начнется деградация, если нет — создаются все более сложные проблемы (сегодня — экологические, геоклиматические, геополитические), увеличивается риск. И никогда нет гарантии решения.

Таким образом, именно интеллектуальное развитие человека (и человечества) ведет его к все новым проблемам и опасностям, требует этих проблем и опасностей

для развития. Другого пути нет. Рефлексия, возможно, позволит сделать этот процесс, который ни в коем случае не должен останавливаться, более гармоничным.

Лечение от невротической импотенции

Браконьерский мир тесен (или «слой тонок»). Все из бригады Кузьмы [\[50\]](#) наслышаны о моих друзьях, с которыми мы работали еще летом 1972 и 1973 года. Послушать бригаду, так мои друзья с тех пор стали чуть ли не живыми легендами браконьерского мира. Из-за этого браконьеры и ко мне вначале отнеслись с большим пиететом, думая, что я имею такой же статус в своем мире среди психологов. Мои объяснения того, что статусы психологов расставляются в Москве,

а не в Магадане, на них не действовали. Лишь дни совместной изнурительной работы и редкие «банные» субботние вечера с выпивкой постепенно «сломали барьеры».

Когда рыбы мало, браконьеры не спеша занимаются различными хозработами, по вечерам часами рассказывают за чаем всевозможные истории и мифы из их бурной жизни. В бригаде уверенно считали (прямо знали), что месяцы интенсивной физической работы в холоде, воде, железе и рыбьей чешуе отрицательно влияют на мужскую потенцию. Я не придавал этому мифу большого значения пока двое (по отдельности)

не пожаловались мне на проблемы потенции в городе и не попросили помощи.

Должен объяснить, что быт и нравы браконьеров в буквальном смысле слова круты даже для сегодняшних жестких времен. Приведу лишь один пример. В первые дни сезона в бригаде завелись лобковые вши. Выяснить, кто притащил их из города, не стали. Справились уникально просто, не беспокоя такими «пустяками» Шамана. Все обрили. Каждый обильно опрыскал себя во всех потенциально опасных местах из баллончика дихлофосом. Также были опрыскана постельные

принадлежности и вся одежда. Через десять минут все вымылись с мылом и этим закончили решение проблемы. Кожа была покрасневшей несколько часов. Запах дихлофоса стоял в жилом отсеке весь сезон. Никто кроме меня не замечал.

Таким же образом (прямо и радикально) бригада решает возникающие иногда проблемы (с потенциальными конкурентами в своем районе, с недобросовестными перекупщиками и пр.). При этом рыбаки весьма бережно относятся друг к другу, легковерны, чувствительны и внушаемы. Вынужденная жесткость жизни порождает у некоторых внутреннее

напряжение, разряжающееся уже в городе проблемами и неудачами, в том числе и в сексуальной сфере.

Физиологической проблемы не было. Здоровью этих мужиков мог бы позавидовать железный лом. Как психолог я прекрасно видел классический невротический круг: давно не видевшие женщин и поверившие мифу о снижении потенции рыбаки тревожатся, боятся, что не получится. Чем больше тревожатся, тем хуже получается. Чем хуже получается, тем больше тревожатся... Видеть-то видел. Но также видел, что моими «коронными» методами когнитивной и рациональной терапии здесь

помочь не удастся. Явный сильно действующий субкультурный миф и люди, больше привыкшие действовать, чем рассуждать. Посоветовался с Шаманом.

Метод, предложенный Шаманом, был не менее прост и эффективен, чем стилевые методы бригады. **Он предложил не бороться с неверным мифом, а дополнить его.** С нашим дополнением миф звучал так: «Месяцы интенсивной физической работы в холоде, воде, железе и рыбьей чешуе отрицательно влияют на мужскую потенцию. *Но если в это время и в первые дни в городе делать специальную гимнастику,*

*потенция,
накапливается».*

В «специальную гимнастику» (20-минутный комплекс) я включил тонизирующие и общеукрепляющие упражнения из йоги, каратэ, чукотских танцев и придуманные мною упражнения на укрепление сфинктерных мышц. Занимались по три-четыре раза в неделю все, кроме Кузьмы, который и так уникально уверен в себе.

В тот год браконьеры подарили мне бочонок икры.

Ответы на вопросы читателей о Шамане

(Магадан, городская библиотека
им. О. Куваева, 11.11. 2002)

В.: Почему книга называется
«Хохот Шамана»?

О.: Существует представление о
шаманах, как о мрачных людях со
зловещим взглядом, поющих
низкими гортанными голосами в
полутемной яранге в отблесках
костра. Здесь описан совершенно
другой человек, тонкий, ироничный,
веселый и саркастичный. Название
выбрано, чтобы подчеркнуть сарказм

и юмор реального Шамана.

В.: Несколько месяцев назад мы встречались с необычным человеком, он называл себя Миша и занимался целительством. Он не подтверждал и не отрицал, что он — Шаман. Не он ли это?

О.: Нет. Первая книжка «Хохот Шамана» вышла в Магадане около двух лет назад. Уже через полгода появились люди, утверждавшие, что эта книжка о них. Наверное, Вы встретились с одним из них. Шаман в Магадане общался только со мной, двумя моими знакомыми, с одним человеком из криминальных кругов и с одним из милиции, чтобы оформить документы. Для заработка

он выполнил за месяц несколько десятков заказов по установке ванн, унитазов и водопроводных систем. Никто из заказчиков не заподозрил, что он общается не просто с квалифицированным сантехником. Заработав на несколько месяцев жизни, Шаман уехал. Он прошел по городу незаметно. И он никогда не расскажет о себе ничего малознакомым людям.

В.: Почему именно эти темы раскрыты в книге?

О.: Я не думал о книге, когда начал вести записи. Обычно спрашивал о том, чем мы занимались, или о том, что по ассоциации возникало в сознании. В

этом смысле текст можно сравнить с чукотской дорожной песней: «Что вижу, о том пою». Записей очень много. Возможно, когда-нибудь я их структурирую и обобщу. Книги — первый этап обработки записей.

В.: Вы научились у Шамана чему-нибудь практически полезному?

О.: Огромное количество записанных советов, алгоритмов, методик и рецептов заставляет думать о книге «Советы Шамана». К сожалению, я не могу быстро писать книги, так как основной ресурс времени занимает работа в университете.

В.: В книге вы пишете, о

лишнем весе. Сейчас я не вижу у вас лишнего веса. Может быть, Вам помог Шаман. Поделитесь, пожалуйста, секретом.

О.: Лишний вес еще немного есть. Но Шаман подсказал, как решать проблему. Могу рассказать. По совету Шамана я вспомнил, когда стал полнеть, и как менялась моя жизнь перед этим. До этого я жил в тридцати минутах ходьбы от университета. Удобного автобусного маршрута не было, и я ходил каждый день не менее часа. Потом купил квартиру в соседнем с университетом доме. Через год появилась проблема веса. Подсчитал, что за этот год «не доходил» не менее

1500 км (5 км х 300 дней). Эти километры я скомпенсировал пешими походами, и вес стал нормализовываться. Главное — совет Шамана по анализу изменения образа жизни и компенсации этих изменений.

В.: Есть ли у Вас сейчас связь с Шаманом?

О.: Нет, но мы встретимся через некоторое время.

В.: Общались ли Вы с другими шаманами? Похожи ли они на описанного Вами.

О.: Общался неоднократно, но не столь много. Не похожи. Например, Шаман не смазывает лицо прогорклым нерпичьим жиром

от мороза и ветра, и кожа у него все равно не трескается. **Я уважаю многих шаманов и ни в коем случае не хотел бы с ними ссориться или сказать о них плохо.** Они могут многое, что непостижимо для меня. Все же мне импонирует в Шамане его образованность, открытость, юмор и умение иногда объяснить и научить.

В.: Мне очень — очень нужно встретиться с Шаманом, чтобы он меня вылечил. Отведите меня к нему.

О.: Во-первых, Шаман «лечит» весьма своеобразно. После снятия тяжелых симптомов он уже не лечит в традиционном смысле слова, а учит человека **новому образу жизни.**

Такому, чтобы в нем не было места болезни. Это часто требует изменения привычек, круга общения, иногда даже изменения профессии, на что не все готовы.

Во-вторых, я сам, увы, не знаю, где сейчас находится Шаман, чем занимается и каким именем пользуется.

В.: Каковы отношения Шамана и других отшельников с женщинами?

О.: Шаман полностью регулирует функции своего организма. В книжке приведен его ответ: «В городах я живу как горожанин, в своих землянках — как отшельник». Я почти уверен, что в настоящее время он живет в

гражданском браке.

Другой пласт вопроса касается темы любви. В книжке сказано, что Шаман считает мужчину и женщину частями одной целой системы. Шаман долго жил с любимой женщиной и продолжает общаться с ней, несмотря на ее физическую смерть. Возможно, именно этот факт объясняет его целостность, мудрость и долголетие. На мои вопросы о ней он отвечает: «Она здесь».

В.: Судя по тексту, Шаман живет в гармонии с окружающим миром. Почему же он дружит с браконьерами, истребляющими лососевых?

О.: В книге говорится

«браконьеры», потому что они сами себя так называют. У них нет лицензий и не может быть, так как они плавают на самодельном беспроектном судне. Никто не возьмет на себя ответственность по их регистрации. Они не платят налогов, работают в таком районе, который не контролируется рыбинспекцией. В то же время они очень бережно относятся к стаду лососей на своих речках. Это — хлеб их семей уже более десяти лет. Они следят, чтобы стада не истощались, и чтобы их никто не истреблял. Если кто-то действительно начинает истреблять лосося в их районе, они защищают его гораздо более успешно

и радикально, чем Охотскрыбвод.

notes

Примечания

Системомыследеятельностный подход.

В.Е. Сиротский спонсировал первые выпуски журнала «Вопросы методологии», был одним из соучредителей Тверь-универсалбанка. Трагически погиб в 1996 г.

Серкин В.П., Сиротский В.Е.
Психосемантика: на пути к
моделированию // Вестник МГУ. Сер.
14. Психология. № 3. – 1990. – С. 30.

В то время средними считались дистанции от 400 до 3000 м.

В Магаданском областном краеведческом музее стоит чучело колымского волка, весившего 120 кг. «Мой» волк — настоящий монстр, раза в полтора крупнее.

Шаман упорно называет так
живущих своей общиной
(племенем?) эвелнов.

Например, изготовленная им из глины и песка посуда звенит куда лучше импортных фарфоров.

Не могу не привести здесь фразу, случайно брошенную молодым эвельном в обыденном разговоре о ценах: «Ну, в тундре, конечно, с голоду не умрешь».

На мой взгляд, сознание Шамана всегда является предельно ясным, а озабоченным или суеющимся его невозможно даже представить.

До 1929 г. (основание Нагаевской культбазы) на месте, где стоит Магадан, никто не жил постоянно.

Гипотеза Э. Сепира и Б. Уорфа.

Например, в слове «ТЭГЭЛЭ» (далеко) буква «г» должна звучать гортанно как в украинском, а в слове «гиркар» (ходят) — четко как в русском. Еще более сложно со звукам «н», «д» и «о», которые имеют, по моему, по три варианта произношения. Есть звуки, не имеющие аналогов в нашем языке, но с ними как раз легче.

Эвелны очень редко пилят дрова недалеко от чужого жилья, особо собирают и кладут в костер дрова — их костры не искрят в лесу.

Один из сленговых знаковых
ответов заключенных.

Тактико-технические
характеристики (армейская
аббревиатура).

Капитан судна браконьеров.

Вовчику больше сорока, но они зовут друг друга по именам: Вовчик, Генка, Серега, Петрович и т.д.

Здесь щитовник австрийский, или широкий (*Dryopteris austriaca* или *D. dilatata*) по Беркутенко А.Н., Вирек Э.Г. (1995).

Шаман немного научил
общению во сне.

Стандартный деревянный
бочонок — 50 л. Икра тяжелее воды.

Месячная зарплата инженера
была тогда 140–160 рублей.

Шаман использует муравьиную кислоту и иногда заставляет муравьев кусать себя. Он и мне это рекомендовал как полезную в некоторых ситуациях процедуру, но... слишком новаторски.

Здесь, психология.

Здесь, наука, вообще.

Перевод, 1982.

Лазарев С.Н. Диагностика кармы. Книга 6. Ступени к божественному. – СПб., 1999.

Этой зимой (с начала октября)
мело уже 91 день!

В экипаже есть повар, но, когда идет рыба, он работает со всеми. Никто не готовит, нет ни сил, ни желания.

Дизельная электростанция.

Пых-пых — надувные мешки из
шкуры морзверя.

Организация американских поставок по ленд-лизу воздушным путем требовала сети аэродромов, на которых самолеты заправляли, делали мелкий ремонт и профилактику. Такие аэродромы назывались аэродромами подскока. Часть засекреченных аэродромов была «законсервирована» после 1945 года. Информация о них постепенно была утеряна с естественной утерей архивов и забыванием или смертью очевидцев.

Нужное дерево (сухость,
твердость) встречается редко,
приходится носить с собой.

В телепередаче видел, как два человека пытались это сделать без «лука», просто дергая за веревку — смешно.

Одна из «крылатых фраз» заключенных ГУЛага по А. Солженицыну.

Сельхозотдел в Магадане
занимался метеосводкой для рыбаков
и оленеводов.

Книга песчинок. – Л.: Худож.
лит., 1990.

Мои долгие попытки чувствовать снежного человека привели к результату. Зимой 2001 года я чувствовал, как они дважды проходили мимо Магадана. Первый раз это была группа из трех существ (человек), проследовавшая от мыса Чирикова по Марчekanской сопке на материк. Второй раз — одно существо (мужчина) ночью долго смотрело на Магадан с Марчekanской сопки. Его почувствовали часовые расположенной неподалеку воинской части и напряженно смотрели в

темноту. Существо перенаправило их агрессию в сторону города. Кроме меня в Магадане еще два или три человека чувствуют их и мое чувство, но не могут себе этого объяснить.

Именно такое слово
использовано Шаманом.

Шаман говорит об эвелнском празднике Хэбдебылдаг.

Охотники не знают про бурунгов, но некоторые чувствуют их насмешку и приходят в «беспричинное» раздражение, вплоть до стрельбы в их направлении.

Система Черского (Цепи Черского) — горная система примерно 1000 км длиной с юга на север и 300 км шириной.

Статья до сих пор не опубликована, предприниматель до сих пор не рассчитался.

Кроме «личных» дел с меня «свалились» политконсалтинг, бестолковые компании и договора, выполнение которых приносило больше головной боли, чем доходов.

Летом не пользуемся печками,
готовим на улице под навесом.

Шаман описывает действия как ритуал, когда думает, что их смысл непонятен для слушающего.

Серкин В.П. Длительность произвольного усилия сознания // Психология и практика. Материалы II съезда РПО. Т.4. Вып. 2. – Ярославль: ЯрГУ, МАПН, РПО, 1998. – С. 159–160.

Фраза из рекламного ролика
какого-то информационного
агенства.

ЦРС — центральные районы страны, привычная магаданская аббревиатура.

По публикации: Серкин В.П.
Проблемы системы образования
коренных народов Северо-Востока
России в конце XX в. – Магадан:
Кордис, 1998.

Кличка капитана браконьеров, конечно, изменена, так как бригада работает и сегодня.